

О. А. ТРОЯНОВСКИЙ

Через годы и расстояния. История одной семьи

<Фрагменты>

После Сталина

<...> По мере того как звезда Хрущева все ярче разгоралась на отечественном небосклоне, активизировалась и внешняя политика Советского Союза. Были предприняты один за другим серьезные шаги, направленные на разрядку международной напряженности. Большое значение имело заключение государственного договора с Австрией, который положил конец оккупации этой страны войсками четырех держав.

И здесь появились первые трещины в отношениях между Хрущевым и Молотовым. Последнему явно не импонировала какая-либо спешка в развязывании австрийского узла. По моим наблюдениям, он скорее склонялся к тому, чтобы связать австрийскую проблему с германской и тем самым получить большую свободу маневра при переговорах по обоим вопросам. Хрущева же такие тонкости мало волновали, он был заинтересован, прежде всего, в том, чтобы убрать преграды, стоявшие на пути международной разрядки. Поэтому, понаблюдав за медленным развитием переговоров, которые вело Министерство иностранных дел, Никита Сергеевич стал напрямик договариваться с австрийским канцлером Юлиусом Раабом и быстро довел дело до завершения.

Вслед за урегулированием австрийского вопроса последовал визит канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москву, который завершился установлением дипломатических отношений с Западной Германией и освобождением немцев, все еще бывших у нас в плену, в том числе и тех, которые находились в заключении в качестве военных преступников. По той же схеме были установлены отношения с Японией и освобождены японские военнопленные. Причем инициатором переговоров в обоих случаях выступал Хрущев.

Это как бы завершило ту «программу», которая была изложена в апрельском выступлении президента Эйзенхауэра. Однако дело этим не ограничилось.

В тот же период (середина пятидесятых годов) были приняты и другие важные акции. Хрущев и Булганин, который к тому времени сменил Маленкова на посту Председателя Совета Министров СССР, посетили Белград, где, несмотря на некоторые трудности, им удалось нормализовать отношения с Югославией. Отказавшись еще в 1953 году от всех прав на военно-морскую базу в Порт-Артуре на китайской территории, Советский Союз теперь отказался и от своих прав на военно-морскую базу в Порккала-Удд в Финляндии. Были восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Кроме того, СССР официально сообщил турецкому правительству о своем отказе от каких-либо территориальных притязаний к Турции, равно как и требований создания советских военных баз на Дарданеллах. Кое-кто в Министерстве иностранных дел называл такую политику уступок игрой в поддавки.

Но и это еще не все. В 1956 году на XX съезде партии, помимо осуждения культа личности Сталина, были внесены важные поправки во внешнеполитическую и идеологическую доктрины. Во-первых, съезд заявил, что имеется реальная возможность избежать новой мировой войны в современную эпоху. Во-вторых, было сказано, что на современном этапе революционный переход к социализму не обязательно связан с гражданской войной. Могут быть созданы условия для проведения мирным путем коренных политических и экономических преобразований. В недалеком прошлом такие теоретические новшества были бы заклеены как откровенный ревизионизм. Теперь они открывали некоторые дополнительные возможности для борьбы за разрядку международной напряженности.

Изменилось во многом и поведение советских руководителей, они стали более открыты для контактов с иностранцами, в том числе с западными журналистами. Хрущев и его соратники начали появляться на многих приемах, в том числе в иностранных посольствах, где свободно общались с иностранцами. Западные корреспонденты, аккредитованные в то время в Москве, сегодня вспоминают о тех годах как об одном из самых насыщенных и интересных отрезков их профессиональной жизни. На недавней конференции в США, посвященной 100-летию со дня рождения Хрущева, такие видные американские журналисты, как Марвин Калб и Макс Франкель, с увлечением говорили о своем пребывании в Москве в хрущевские времена.

Что касается американских дипломатов, то ограничения на контакты и обмен мнениями с советскими руководящими деятелями

исходили скорее из Вашингтона, нежели из Кремля. Чарльз Болен, который был послом США в Москве с 1953 по 1956 год, рассказывает в своих воспоминаниях о характерном эпизоде, относящемся к марту 1956 года, когда он поведал Н. А. Булганину о своем желании серьезно побеседовать с советскими руководителями. Через несколько дней Булганин ответил послу, что можно организовать неофициальную беседу на даче либо с Хрущевым, либо с любым другим советским руководящим деятелем на его выбор. Болен, как он пишет, с энтузиазмом сообщил Даллесу об этом предложении, добавив, что, по его мнению, следовало бы информировать об этом и президента Эйзенхауэра. Однако он так и не получил от государственного секретаря согласия на такую встречу.

На Западе считают, что Москва держит своих послов на коротком поводке. Однако я не могу себе представить, чтобы какому-нибудь нашему послу не было разрешено встретиться с руководителем страны, в которой он аккредитован. Более того, большинство из послов воспользовались бы возможностью встретиться, скажем, с президентом США или руководителем другого западного государства, даже не спросив разрешения из столицы.

Был еще один случай, связанный с Боленом. Посол Бирмы, который являлся в то время старшиной дипкорпуса, устроил обед в честь министра иностранных дел СССР, на который прибыли все послы, аккредитованные в Москве. Когда я приехал в гостиницу «Советская» чуть раньше Молотова, то увидел бирманского посла, горячо доказывающего что-то послу США. А дело было вот в чем: приехав на завтрак и узнав, что на нем будет присутствовать и посол Китайской Народной Республики, Чарльз Болен заявил, что не сможет сесть с ним за один стол! Дискуссия с хозяином ничего не дала, и американский посол уехал, в данном случае буквально несолоно хлебавши.

И дело здесь, на мой взгляд, было вовсе не в формальном запрете, исходящем из-за океана. Сплошь и рядом возникают ситуации, когда послы разных стран, не имеющих дипломатических отношений, участвуют вместе в тех или иных протокольных мероприятиях, и это никогда не служит причиной для демонстративного ухода одного из них. В данном случае, я полагаю, на посла повлияла кампания охоты на ведьм, которая в то время достигла своего апогея в Соединенных Штатах¹. И Болен решил просто перестраховаться, учитывая еще и то, что сенат утвердил его полномочным представителем в Москве с большой неохотой.

Антикоммунистическая истерия не давала Вашингтону возможности объективно оценить те глубокие изменения, которые произошли в советской внешней политике после смерти Сталина.

Во многих отношениях это был новый курс. И все же американцы вынуждены были согласиться на участие в совещании глав государств и правительств четырех держав, которое состоялось летом 1955 года в Женеве. Но, соглашаясь на встречу, Вашингтон делал это не без задней мысли. Государственный секретарь Даллес признал: «Мы в действительности не имели желания принимать участие в этих переговорах, но все же были вынуждены пойти на это, чтобы наши союзники дали согласие на вооружение Германии. Мировое общественное мнение требовало, чтобы Соединенные Штаты участвовали в этих переговорах с коммунистами».

Женевская конференция была воспринята в мире как событие первостепенной важности, ведь она стала первой за прошедшие 10 лет встречей руководителей великих держав. Саммит проходил на фоне растущей угрозы ядерного конфликта, и люди возлагали на него большие надежды.

Делегация СССР состояла из Председателя Совета Министров Н. А. Булганина, Генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, министра иностранных дел В. М. Молотова, министра обороны маршала Г. К. Жукова и первого заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко. Главой делегации формально считался Булганин, он и выступал, как таковой, на всех официальных заседаниях, хотя фактическим руководителем был, конечно, Хрущев.

Делегация США включала президента Эйзенхауэра, государственного секретаря Даллеса и нескольких менее авторитетных лиц.

Делегацию Великобритании возглавлял Антони Иден, который к тому времени сменил Черчилля на посту премьер-министра. В нее входили также министр иностранных дел Гарольд Макмиллан, генеральный секретарь кабинета министров и глава всей английской гражданской службы Норман Брук.

Францию представляли премьер-министр Эдгар Фор и министр иностранных дел Антуан Пинэ.

Наши руководители демонстративно разъезжали по Женеве в открытых машинах и почти без охраны, показывая, что сталинские времена зашторенных автомобилей ушли в прошлое. Это, надо сказать, не прошло незамеченным. Газеты тут же отметили, что, в отличие от советских делегатов, президент Эйзенхауэр и Даллес передвигались по городу в бронированном автомобиле с многочисленной охраной. Кстати, о машинах. В одном из разговоров с Хрущевым Иден рассказал такую историю: когда Черчилль и он прилетели на Тегеранскую конференцию и спустились с самолета, к трапу подъехал старый замызганный автомобиль, и охрана пригласила в него премьер-министра. Затем подкатил украшенный

флагами, блестящий «роллс-ройс», в который предложили сесть ему, Идену. Он, конечно, поинтересовался у сопровождавшего его офицера, почему Черчилля увезли в такой неказистой машине. Ему объяснили, что есть данные о готовящемся покушении на премьер-министра и если это так, то нападению подвергнется именно их яркий лимузин. Иден признался, что играть роль подсадной утки было не очень приятно.

Женевская конференция проходила в весьма благопристойном духе, никто не допускал резких выпадов. За трапезой поднимали бокалы за мир и взаимное благополучие. А вот содержательностью она не отличилась. Запомнилось, пожалуй, только предложение Эйзенхауэра об «открытом небе». Согласно этому новшеству страны Востока и Запада должны были разрешить свободные полеты над своей территорией самолетам других стран. Можно было заранее предсказать, что это предложение будет нами отвергнуто. Так и случилось. В кулуарах заседания Хрущев сказал Эйзенхауэру, что эта идея пахнет шпионажем, а потому она неприемлема. Давайте, предложил он, сначала разрешим проблему разоружения, а уж потом будем открывать небо. На конференции шло перетягивание каната в основном по двум вопросам. Западные союзники добивались согласия на объединение Германии с правом вступления в тот военный блок, который ей самой покажется более привлекательным. В данном случае американцы, в отличие от своей позиции на конференции по Индокитаю, ратовали за свободные выборы, понимая, что большинство населения объединенной Германии выскажется за присоединение к НАТО.

Советская делегация, со своей стороны, выступила за создание системы коллективной безопасности в Европе, доказывая, что именно это является приоритетной задачей, более срочной и важной, чем объединение Германии.

Естественно, что стороны к согласию не пришли, и все дело свелось к выработке заключительного документа, который облекался в форму директивы министрам иностранных дел. Было необходимо сделать это таким образом, чтобы удовлетворить обе стороны и вместе тем создать для общественного мнения видимость хоть какого-то успеха. Сперва составлением такого документа занялись министры, но у них ничего не получилось, и тогда за дело взялись сами главы делегаций. Работа эта проходила за закрытыми дверями с участием пяти членов каждой делегации плюс переводчики. Наконец после долгих дебатов удалось создать вариант, худо-бедно устраивавший всех. Оставалось тщательно выверить окончательный текст, для чего от каждой делегации было решено выделить по два человека. У трех западных делегаций затруднений

в этом отношении не было, так как, помимо глав и их министров иностранных дел, на встречах в узком составе участвовали лица достаточно авторитетные, но рангом ниже двух главных действующих лиц. Наша же делегация была сформирована целиком на таком высоком уровне, что никто из ее членов заниматься редакционной работой желания не испытывал.

Поручили это дело мне. В придачу дали генерального секретаря нашей делегации В. Я. Ерофеева, но поскольку он не присутствовал на заседаниях узкого состава, его роль была чисто символическая. Пахать пришлось мне. К счастью, в то время у меня была отличная память, натренированная рядом лет переводческой работы, и достаточно хорошее знание международных вопросов. К тому же мои западные партнеры по редакционному комитету вели себя вполне корректно и не пытались подсунуть какие-либо провокационные формулировки.

Когда согласование было закончено, я подошел к Молотову и попросил его посмотреть окончательный текст. Однако к тому времени его отношения с Хрущевым, видимо, очень обострились и потому он не захотел брать ответственность на себя. Сказал мне, чтобы я показал текст Хрущеву. Я пошел к Никите Сергеевичу, но тот послал меня обратно к Вячеславу Михайловичу. В конечном счете текст так и остался непросмотренным и пошел в печать без высочайшего утверждения.

В итоге с текстом все обошлось, но у меня от этого эпизода остался очень неприятный осадок. Я стал свидетелем того, как ссора руководителей может негативно отражаться на важнейших государственных делах. Чтобы закончить с этим сюжетом, позволю себе несколько забежать вперед.

В октябре — ноябре того же 1955 года в той же Женеве прошло совещание министров иностранных дел тех же четырех держав, которое должно было конкретизировать разработку вопросов, поднятых на встрече глав государств. Главным из них был, конечно, вопрос об объединении Германии. И должен сказать, что у англичан имелся по этой проблеме проект предложений, которые заслуживали внимания. Среди них такие, как создание демилитаризованного коридора между Востоком и Западом; заключение пакта о взаимной безопасности; выработка соглашения, определяющая количество вооруженных сил сторон. У меня к тому же сложилось впечатление, что, добиваясь объединения Германии, западные делегации готовы были пойти на дальнейшие серьезные уступки советской стороне, которая могла бы получить гораздо больше того, что она получила в результате объединения Германии в 1990 году.

Виной тому во многом личные амбиции. Вероятно, Хрущев просто не хотел, чтобы Молотов, отставка которого была уже предрешена, заработал под занавес какие-либо лавры. Для такого предположения у меня есть серьезные основания. Дело в том, что когда на конференции министров был объявлен перерыв, Молотов и Громыко отправились к Хрущеву, который в это время отдыхал в Крыму. Взяли с собой они и меня, почему, я так и не понял. По дороге из их разговоров узнал, что они везут на согласование какие-то важные предложения, принятие которых может привести к успеху конференции. Однако после разговора с Хрущевым оба вышли от него понурые и злые. Конференция министров в итоге оказалась столь же бесплодной, как и предшествующий ей саммит.

И все же я хочу вернуться к этому саммиту в связи с участием в нем маршала Жукова. Еще до начала конференции на высшем уровне политиков и средства информации интересовало, будет ли он включен в состав советской делегации. Многоопытный Даллес считал, что маршал скорее приедет в Женеву со специальной целью «размягнуть» своего соратника по оружию Эйзенхауэра.

В ходе конференции как члены делегации, так и журналисты и в самом деле внимательно присматривались к взаимоотношениям двух бывших командующих союзными войсками. Известно было, что после войны, когда Жуков и Эйзенхауэр представляли свои страны в Контрольном совете в Берлине², они относились друг к другу с уважением и пониманием. Но нынче ситуация изменилась: «холодная война» набирала обороты, да и два бывших коллеги стояли на разных ступеньках иерархической лестницы — один стал главой государства, другой был министром.

Тем не менее при первой встрече в зале заседаний Дворца наций президент, который прибыл последним из глав делегаций, тепло приветствовал маршала, дав понять, что у него сохранились чувства уважения и дружбы к человеку, чей полководческий талант и силу воли он высоко ценил. Пресс-секретарь Белого дома Джеймс Хэгerti характеризовал то, что произошло, как «весьма восторженную встречу». Свой вклад в ее теплоту постарался внести и Хрущев, который подошел к президенту и сказал: «Господин президент, я хочу посвятить вас в семейные секреты Жукова. Его дочь выходит замуж на этой неделе, и ему следовало бы быть в Москве на свадьбе, но он так хотел встретиться с вами, что приехал сюда». Эта реплика имела свои последствия, о чем я скажу позже.

На меня Георгий Константинович произвел сильное впечатление и как человек, и как политический деятель. Он держался с достоинством, принимал активное участие в беседах и протокольных мероприятиях. И в то же время деликатно уступал

пальму первенства Хрущеву и Булганину. В его поведении совсем не чувствовалось крутости нрава, о котором часто упоминается в воспоминаниях времен войны. Видимо, он мог адаптироваться к любой обстановке.

И все же его положение было непростым. Он не мог не видеть, что Эйзенхауэр прекрасно понимает мотивы, по которым его включили в состав делегации, а потому испытывал определенную неловкость. И сознавал, что в этой щекотливой ситуации инициатива в общении должна исходить от американского президента. Надо отдать должное последнему, он ее и проявил, пригласив Жукова к себе на виллу на завтрак. На нем присутствовало всего четверо: президент, советский министр обороны, посол США в Москве Болен, который переводил Эйзенхауэру, и я, переводивший Жукову.

Большую часть беседы говорил Жуков. Достаточно четко и достаточно дипломатично. Не в пример некоторым другим нашим военачальникам, которых мне пришлось слышать. Беда была в том, что он торопился изложить всю ту достаточно широкую программу, которая была ему задана Хрущевым. Он практически поднял все темы, которые советская делегация имела в виду обсудить в ходе конференции. В результате вместо дружеской беседы получилась своего рода мини-конференция, во время которой американский президент не склонен был к дискуссии, а ограничился сравнительно короткими высказываниями. Завтрак в результате прошел корректно, но без той теплоты, на которую можно было рассчитывать. Думаю, что виноваты в этом были как Хрущев, спешивший «обработать» Эйзенхауэра, так и Жуков, не сумевший убедить Хрущева, что на дружеском завтраке с этим торопиться не следует.

В конце конференции была еще одна короткая встреча между президентом и маршалом, на сей раз по инициативе последнего. Переводили, как и в первом случае, посол Болен и я. Беседа касалась некоторых конкретных вопросов, от решения которых зависело, завершится ли конференция на негативной или позитивной ноте.

Оба собеседника проявили четкое понимание разрушительной силы ядерного оружия. Об этом первым заговорил Эйзенхауэр, которого совершенствование этого оружия серьезно беспокоит. «С появлением атомного и водородного оружия, — сказал он, — многие представления, которые были правильными в прошлом, ныне изменились. Война в современных условиях с его применением стала еще более бессмысленной, чем когда-либо прежде». Жуков согласился, сказав, что лично убедился, какой колоссальной разрушительной силой обладает это оружие. Продолжая этот разговор, Эйзенхауэр заметил: «Даже ученым неизвестно что про-

изойдет, если, скажем, на протяжении одного месяца взорвутся 200 водородных бомб и если условия будут благоприятствовать распространению ядерной пыли». В ответ Жуков сказал, что лично он за уничтожение атомного и водородного оружия. Можно полагать, что Жуков высказывал и эти мысли с благословения Хрущева. Много лет спустя Никита Сергеевич вспоминал, что Женевская встреча на высоком уровне вновь убедила в том, что в те годы ситуация не была чревата войной, потому что наши противники опасались нас не меньше, чем мы их.

Жуков в конце беседы намекнул на желательность поездки советских руководителей в Соединенные Штаты. Президент уклонился от положительного ответа, все сейчас, по его словам, настолько заняты, что трудно будет найти время для такого визита. Однако добавил, что рано или поздно нечто подобное может оказаться возможным. «Нечто подобное» произошло четыре года спустя, когда Н. С. Хрущев посетил США с официальным визитом. К тому времени и Булганин, и Жуков уже сошли с политической сцены.

Если верить секретарше президента Энн Уитман, то он сказал после беседы: «Это не тот человек, которого я знал, его хорошо натренировали для этого выступления». Впрочем, и Жуков, когда мы ехали с ним из американской резиденции, высказался примерно в том же духе: «Да, президент Эйзенхауэр уже не тот, каким был генерал Эйзенхауэр».

Как следует из воспоминаний Чарльза Болена, примерно через месяц после Женевы посольство США в Москве получило дипломатической почтой рыболовные принадлежности в качестве подарка маршалу с письмом от президента. Письмо это не содержало ничего, кроме дружественного приветствия и добрых пожеланий. Однако канцлер Аденауэр, узнав о нем через свою разведку, серьезно заволновался, заподозрив президента США в тайном сговоре через Жукова с советским правительством.

Мне довелось встретиться с Георгием Константиновичем еще дважды, и оба раза случайно. Первый раз — на большом приеме в Кремле по случаю 20-летия победы над Германией в мае 1965 года. К тому времени Хрущев был смещен, а Жуков реабилитирован уже во второй раз (первый раз это было после опалы, в которую он попал при Сталине). Он меня узнал, хотя после Женевы прошло десять лет, обнял и сказал своей жене: «Это тот Трояновский, о котором я тебе много рассказывал». Потом он предложил выпить за старые времена, что мы и сделали. Тут наш разговор закончился, так как его стали осаждают другие гости.

В другой раз мы с женой пошли в кинотеатр «Ударник» посмотреть известный фильм «Мост через реку Квай»³ (его пока-

зывали в рамках фестиваля американских фильмов). При выходе из кинотеатра мы оказались рядом с Жуковым. Поздоровавшись, я спросил, понравился ли ему фильм. Он ответил, что, честно говоря, не очень. «Этот фильм слишком пацифистский для меня, мне что-нибудь со стрельбой вроде "Пушек Навароне"⁴ (это был второй фильм, который показывали во время фестиваля). Я — человек военный, другое дело вы». Мы посмеялись и разошлись. Больше я с ним не встречался.

В Женеве параллельно с совещанием происходили различные двусторонние встречи. На одной такой советско-английской встрече Иден высказал Хрущеву и Булганину мысль о том, что было бы полезно для отношений между нашими странами, если бы они посетили Англию с официальным визитом. Думаю, что американцы, и Даллес в особенности, не были в восторге от этой новости. Но в то время английское руководство продолжало проводить несколько отличную от Вашингтона линию. Советские руководители с готовностью дали положительный ответ на предложение Идена.

Визит состоялся в апреле 1956 года. Это было своего рода освоение целины. Никогда до этого высшие советские руководители не посещали какую-либо из западных стран как официальные гости. Наша делегация включала Булганина, который, как и на Женевском совещании, формально возглавлял ее, Хрущева, Громыко, а также двух наших выдающихся ученых — Курчатова и Туполева.

В ходе согласования различных организационных вопросов возникло два спорных момента. Во-первых, англичане были категорически против того, чтобы делегацию сопровождал или прибыл в Лондон для подготовки визита председатель КГБ Иван Серов. Они утверждали, что его пребывание там может вызвать враждебные демонстрации, которые испортят дружественную атмосферу, необходимую для приема гостей.

После недолгих дискуссий было дано согласие на это требование.

Во-вторых, было заявлено, что в Англии охране иностранных гостей не полагается носить оружие. Поэтому было высказано настойчивое пожелание, чтобы охрана Булганина и Хрущева прибыла без оружия. Согласились и на это пожелание, хотя, как выяснилось, оно не было соблюдено. По окончании визита я остался в Лондоне еще на один день. Как главные гости, так и все сопровождающие жили в гостинице «Клэридж». И вот на следующее утро после отъезда основной части делегации в мой номер вошла горничная, неся на серебряном подносе пистолет. Она сказала, что кто-то из нашей делегации забыл его в своем номере. Я поблагодарил, сказав, что постараюсь выяснить, кому

он принадлежит. Найдя кого-то из нашей службы безопасности, я передал ему пистолет. Что произошло потом и был ли кто-либо наказан, мне неизвестно.

Новшеством было решение прибыть в Англию на новом, недавно спущенном на воду крейсере «Свердлов»⁵. За границей, да и в нашей стране, ходило немало домыслов относительно причин такого решения. Большинство догадок сводилось к тому, что это отражало стремление подчеркнуть мощь Советского Союза. На самом деле причина была более прозаичной. В то время страна не располагала четырехмоторными гражданскими самолетами отечественного производства, а тем более реактивными. Хрущев переживал, что на Женевскую конференцию они с Булганиным прибыли на уже устаревших двухмоторных «Ильюшиных», в то время как другие делегации использовали большие лайнеры. Вообще он весьма чувствительно относился ко всему, что, по его мнению, унижало его страну. И он нашел типичный хрущевский выход — прибыть на военном корабле.

Визит «Б и К» — так повсюду стали называть в Англии дуэт Булганина и Хрущева (К — потому что по-английски фамилия Хрущева начинается с этой буквы) прошел достаточно гладко и в целом успешно. Во время официальных переговоров с Иденом и новым министром иностранных дел Селвином Ллойдом были затронуты практически все актуальные международные проблемы, что углубило взаимопонимание между странами. Иден даже сказал, что по времени это были самые обстоятельные двусторонние переговоры, в которых он когда-либо участвовал. Они были настолько продолжительными, что каждый из нас уже привык к своим местам, и, когда в очередной раз советские руководители вошли в зал заседаний кабинета министров на Даунинг-стрит 10, Хрущев сказал: «Видите, как хорошо мы вымуштрованы, сразу идем к своим местам, как лошади в стойла».

Не обошлось, правда, и без неприятного инцидента, который как бы предвосхитил события недалекого будущего. Когда разговор коснулся Ближнего Востока, английский премьер-министр заявил, что беспрепятственные поставки нефти жизненно необходимы для экономики его страны. И после небольшой паузы добавил, произнося слова с расстановкой, что Великобритания даже готова применить силу, если кто-либо попытается подорвать ее позиции в этом регионе. Тут Хрущев вспыхнул и с некоторой горячностью ответил, что, если англичане захотят начать войну, они столкнутся с сильной негативной реакцией со стороны Советского Союза. И если слова Идена означают угрозу, тогда он с ходу отвергает их. Инцидент на этом закончился.

Не знаю, вспомнил ли наш руководитель в тот момент предостережение Сталина, на которое при других обстоятельствах нередко ссылался, а именно, что Советскому Союзу не следует влезать в дела Ближнего Востока, так как в этом случае англичане будут воевать.

Кроме этой короткой словесной перепалки, других острых моментов в переговорах с Антони Иденом не возникало.

Одним из запомнившихся моментов визита в Лондон была встреча с Уинстоном Черчиллем, которая состоялась на обеде у премьер-министра в честь советских гостей. Черчилль, которому уже было за восемьдесят, передвигался с некоторым трудом, как бы волоча ноги: примерно за год до этого у него произошло кровоизлияние в мозг. Тем не менее его голова оставалась ясной, а память хорошей. Разговор патриарха английской политики с Хрущевым длился недолго, но был довольно интересен. Черчилль сказал, что очень высоко ставит Сталина как выдающегося лидера, который привел свой народ к великой победе. В то же время он ценит и готов поддержать то, что сказал о нем Хрущев на XX съезде компартии. Сталин совершил ужасные злодеяния, после того как достиг высшей власти. Этим злодеяниям необходимо было дать огласку, хотя бы для того, чтобы это послужило уроком для других. Между прочим, он посоветовал Хрущеву приглядеться к канцлеру казначейства (так в Англии называют министра финансов). Этот пост тогда занимал Гарольд Макмиллан, причем менее чем через год он сменил Идена на посту премьер-министра. Вероятно, уже тогда, в апреле 1956 года, в высших политических кругах Великобритании подумывали о замене Идена.

Кажется, на следующий день высокие московские гости были приглашены в палату общин. Нас проводили на балкон для гостей. Это было время, отведенное для ответов правительства на вопросы членов парламента. Примерно в это же время в зал зашел Черчилль и занял место в самом конце первого ряда скамей правящей партии. Нам разъяснили, что, хотя бывший премьер по-прежнему является членом парламента, он редко посещает заседания, а сегодня пришел специально из чувства уважения к советским гостям.

Кто-то из наших сторонников «шоковой терапии» распространил версию, будто на приеме в советском посольстве во время визита «Б и К» Черчилль сказал Хрущеву, что нельзя двумя прыжками перепрыгнуть через пропасть, иначе говоря — что реформы должны проводиться быстро, в один присест. Ничего подобного сказано не было ни на приеме в посольстве, которого вообще не было, ни где-либо еще. Да и вообще, какие разговоры

с англичанами о каких-то реформах в Советском Союзе могли вестись тогда, в 1956 году.

В один из последних дней пребывания в Англии дуэт «Б и К» пригласили во дворец на встречу с королевой Елизаветой II. Пока она беседовала с Булганиным с помощью английского переводчика, я переводил разговор Хрущева с принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским, супругом королевы. Принц, который известен своим умением говорить правильные вещи в самое неподходящее время, после некоторых любезностей спросил Никиту Сергеевича: «Господин Хрущев, вы много путешествуете. Не опасаетесь ли, что в один прекрасный день, когда вы будете далеко, соберется Центральный Комитет партии и сместит вас с вашего поста?» Хрущев ответил, что он таких опасений не испытывает. Но мне показалось, что по его лицу пробежала тень. Я вспомнил об этом эпизоде год спустя, когда была организована первая попытка отстранить его от должности. Думаю, что он тоже вспомнил тот разговор с принцем.

В целом в течение недельного пребывания в Великобритании Никита Сергеевич, за исключением одного или двух промахов, вел себя почти как джентльмен. Один из них произошел, когда мы проезжали мимо мемориала принцу Альберту, консорту королевы Виктории. Сопровождавший нас англичанин объяснил, что принц-консорт не имел никаких государственных обязанностей и был лишь супругом королевы. Тогда Хрущев, хитро сощурился глазами, спросил: «А что же он делал днем?» Англичанин улыбнулся кислой улыбкой, соленая шутка явно пришлась ему не по вкусу.

Пожалуй, более неприятный инцидент произошел на обеде, который члены парламента от лейбористской партии дали в честь советских руководителей. Обед начался в обычной официальной манере: лидер лейбористской партии произнес короткую приветственную речь, на которую Булганин ответил несколькими формальными фразами. Но после этого присутствующие начали требовать: «Мы хотим услышать Хрущева! Мы хотим Хрущева!»

Хрущев, естественно, не преминул выступить, он это любил. Оратор, который за словами в карман никогда не лез, стал ругать довоенную английскую политику умиротворения Гитлера. После этого он принялся критиковать идеологию социал-демократии. Тогда некоторые из присутствовавших, в их числе Джордж Браун, который через несколько лет стал министром иностранных дел, вскочили со своих мест и принялись обвинять советских руководителей в зажиме демократии в странах Восточной Европы. В конечном итоге банкет завершился полным хаосом. Когда Хрущева и Булганина провожали из зала, они, и особенно Никита Серге-

евич, выражали свои чувства при помощи вполне определенных выражений. Разумеется, на чистом русском языке.

На следующий день этот эпизод, или, точнее говоря, скандал стал предметом обсуждения с Иденом. В ответ на негодование Хрущева он сказал со снисходительной улыбкой: «Вы должны извинить этих людей, господин Хрущев, ведь они такие неопытные». Премьер-министр, консерватор, был явно доволен случившимся, да и официальная печать свалила вину за скандал на лейбористов.

Памятным событием во время визита была встреча с Чарли Чаплином. Он пришел на прием, который был устроен послом Яковом Маликом в честь английского премьер-министра и советских гостей. Появление великого актера вызвало ажиотаж среди присутствовавших и Хрущеву с Булганиным пришлось уединиться с ним в отдельную комнату. Чаплин восхищался героизмом советских воинов в войне с Германией. Он ругал нынешнюю политику США, заявив, что не вернется в эту страну, даже если американцы изберут Иисуса Христа своим президентом.

В целом этот визит в Англию был полезным и приятным. К сожалению, начавшееся налаживание взаимопонимания между Востоком и Западом было вскоре сведено на нет в результате англо-франко-израильского нападения на Египет и трагических событий в Венгрии. Високосный 1956 год оказался плохим годом. Ко всему прочему добавились становившиеся все более очевидными трещины в коллективном руководстве внутри страны.

Главными антиподами во внешней политике стали Хрущев и Молотов. По мере того как разворачивалась проводимая Хрущевым программа мер по нормализации международной обстановки, возрастало несогласие Молотова как с темпом проведения этих мероприятий, так и с их существом. На этой основе обострилась и личная неприязнь между ними. Молотов не мог примириться с тем, что Хрущев, которого он считал дилетантом во внешней политике, захватил инициативу, оттеснив его, признанного мастера дипломатии, на второй план. И при всей своей выдержке наш министр стал нервничать. В некоторых случаях он открыто критиковал Хрущева. Особенно это проявилось при обсуждении австрийского вопроса, о чем я уже говорил. Но еще более активной была оппозиция Молотова нормализации отношений с Югославией.

Со своей стороны и Хрущев не стеснялся в выражении недовольства позицией министра иностранных дел. Сначала это делалось в закрытом порядке, не публично. Так, например, после переговоров с австрийцами, когда большинство присутствовавших покинули зал (Молотов был в отъезде и в переговорах не участвовал), мне пришлось наблюдать, как Хрущев обратился к руководя-

щим работникам МИДа — там присутствовали, если память мне не изменяет, заместители министра Громыко, Зорин и Семенов и член коллегии Ильичев — и принялся их критиковать. Почему так получается, говорил он, что на заседаниях Президиума ЦК один Вячеслав Михайлович всегда выступает по вопросам внешней политики? А где все другие коммунисты Министерства иностранных дел? Почему они молчат? Видимо, ваша ведомственная дисциплина выше партийной. Молотов, кажется, приучил вас дергать язык за зубами. И далее в таком же духе.

По-видимому, Молотов задним числом подвергся критике и за предъявление сразу после войны уже упомянутых территориальных претензий к Турции. Это я понял из того, что когда он визировал при мне обращение к туркам с отказом от всех ранее выдвинутых требований, то бурчал, что его критикуют зря, ибо в то время он только выполнял решение ЦК — до XX съезда КПСС еще не было принято оправдываться ссылками на Сталина. Использовался эвфемизм в виде ссылки на решения Центрального Комитета КПСС.

Через какое-то время Молотов оказался под обстрелом уже в открытую. В своем выступлении на сессии Верховного Совета в том же 1955 году наш министр заявил, что в Советском Союзе лишь заложены «основы социализма», а не «в основном» построен социализм, как обычно говорили. Это послужило предметом разбирательства на Президиуме ЦК, в результате чего Молотов был вынужден выступить с самокритикой в журнале «Коммунист».

Нам, работникам секретариата министра иностранных дел, конечно, было неприятно, что наш руководитель находился под обстрелом, так как это бросало тень на работу внешнеполитического ведомства в целом. Но в то же время становилось все более очевидным, что Молотов стал обузой для советской внешней политики в ее новом варианте. Слишком многое связывало его с делами прошлых лет, и это порою приводило к серьезным осложнениям. Так, Конрад Аденауэр во время переговоров в Москве, полемизируя с советскими руководителями, сказал, глядя прямо на Молотова, что он, Аденауэр, в отличие от некоторых, во всяком случае, не жал руку Гитлеру. А его участие в предстоящем ответном визите Тито в Советский Союз могло вообще кончиться скандалом. Всем было известно, что после Сталина именно он был главной фигурой в попытках свергнуть югославского лидера в конце сороковых годов. Он подписывал различные документы, в которых Тито и его сторонники обзывались предателями, агентами империализма и другими непотребными эпитетами. Незадолго до приезда президента Югославии в Москву Молотов был смещен с поста министра

иностранных дел, хотя и оставался членом Президиума ЦК КПСС и Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР⁶.

По всему чувствовалось, что в самых верхних эшелонах власти назревает серьезный конфликт. Развязка была ускорена такими событиями, как восстание в Венгрии, волнения в Польше и Суэцкий кризис. Но особенно — знаменитым докладом Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде партии.

Я не хочу здесь вдаваться в подробности этих событий — они хорошо известны и о них написано немало книг. Напомню только, что вскоре после них группа во главе с Молотовым, Маленковым и Кагановичем, имея за своей спиной явное большинство в Президиуме ЦК, повела открытую атаку на Хрущева, обвиняя его в различных прегрешениях во внешней и внутренней политике. Заседание Президиума ЦК КПСС началось 18 июня 1957 года и продолжалось несколько дней.

Министром иностранных дел в это время стал Андрей Андреевич Громыко. Но секретариат министра остался практически тот же, хотя функции некоторых его работников несколько видоизменились. В частности, главным направлением моей работы стало обобщение различной открытой и секретной информации для последующего доклада министру.

До нас, работников секретариата, доходили лишь отголоски отчаянной борьбы, которая развернулась в Президиуме ЦК. Громыко временами отлучался на какие-то групповые встречи. По ряду косвенных признаков нам вскоре стало ясно, что наш министр с самого начала присоединился к сторонникам Хрущева. Как потом выяснилось, среди членов Президиума ЦК противники Хрущева действительно имели перевес, его поддерживали только А. И. Микоян и М. А. Сулов, а вот среди кандидатов в члены Президиума и тем более рядовых членов ЦК его сторонники имели подавляющее превосходство. Что в результате и определило его победу. Много лет спустя у меня был разговор на эту тему с А. Н. Косыгиным. Он объяснял такой расклад тем, что противники Хрущева в Президиуме почти все были «люди прошлого», сподвижники Сталина. Поэтому у других членов ЦК их стремление вновь прорваться к высшей власти вызывало боязнь, что, как выразился Косыгин, «опять польется кровь». Хрущев же при всех его недостатках все-таки смотрел в будущее и не собирался возвращаться к сталинским методам. Это подтверждается хотя бы тем, как он обошелся со своими противниками из «антипартийной группы», как ее тогда называли. Ворошилов, например, до 1960 года оставался на посту Председателя Президиума Верховного Совета, а Булганин еще почти год был Председателем Совета Министров.

Как бы то ни было, но новый механизм власти начинал набирать обороты. Страна медленно и тяжело освобождалась от сталинского наследия. Произошли серьезные изменения и в моей судьбе.

В секретариате Хрущева

Приглашение в Кремль — Хрущев — Германский вопрос — Первый искусственный спутник Земли — Берлинский рычаг — Авария над океаном — Визит в Соединенные Штаты — В Китае — Инцидент с «У-2» — Провал Парижского саммита — Ботинок Хрущева — Обострение отношений с Китайской Народной Республикой

В апреле 1958 года, когда Хрущев сменил Булганина на посту главы правительства, меня пригласил к себе Григорий Трофимович Шуйский, который в аппарате премьера был старшим. Сославшись на поручение Никиты Сергеевича, он предложил мне стать помощником Председателя Совета Министров по внешнеполитическим вопросам. И добавил, что ему поручено также передать: если я откажусь от этого предложения, мой отказ не будет воспринят отрицательно и не повлечет за собой никаких нежелательных для меня последствий. Нельзя сказать, что это предложение меня привлекло, мне к тому времени изрядно надоело работать в секретариатах и хотелось другой, более самостоятельной работы. Тем не менее от предложения главы правительства отказываться не просто. Импонировала и та форма, в которой это предложение было сделано. Поэтому, посоветовавшись дома и с Громыко (который сказал своим басистым голосом: «На вашем месте я бы не стал отказываться»), я дал согласие и переехал в Кремль.

Хрущев уже занимал кабинет на втором этаже бывшего здания Сената. Когда-то это был кабинет Сталина, затем в нем работал Маленков, а после него — Булганин. Мне отвели большую комнату по другую сторону от кабинета главы правительства.

Секретариат Хрущева был очень небольшой и состоял из двух частей. Одна находилась в здании ЦК КПСС на Старой площади. Там был кабинет Генерального секретаря ЦК, пост которого Хрущев сохранил за собой. Впрочем, с течением времени он, как и Сталин до него, все меньше времени проводил на Старой площади, а в последние годы практически вовсе там не бывал. В результате получалось так, что я имел возможность общаться с Никитой Сергеевичем значительно чаще, чем другие помощники. А их было всего трое: Г. Т. Шуйский, который, как я уже упомянул, был старшим, его Хрущев любил называть «боярином»; Владимир

Семенович Лебедев, который в основном ведал вопросами идеологии и культуры, и Андрей Степанович Шевченко, занимавшийся вопросами сельского хозяйства. Временами помощники работали вместе, чаще всего при подготовке проектов выступлений Хрущева или в связи с его поездками за рубеж.

Кроме того, в обеих приемных — в Совете Министров и в ЦК — работали по три дежурных, которые сменяли друг друга по суткам. Вся почта поступала в приемную на Старой площади, там она сортировалась, и наиболее важные информационные и иные материалы направлялись в Кремль, где ложились на стол Хрущева. В обоих секретариатах было еще по одной или по две стенографистки, которым Хрущев диктовал, и по паре канцелярских работников. Особенно он ценил стенографистку Надежду Петровну Гаврилову, которая в самом деле была прекрасным работником.

У многих может вызвать удивление, что в те годы у главы государства был такой небольшой аппарат, в особенности если сравнить его с огромным аппаратом главы государства в наше время. Но не следует забывать, что вся структура власти была тогда иной. Существовал Общий отдел ЦК, который также обслуживал Генерального секретаря, а Совет Министров имел свое Управление делами с большим аппаратом опытных работников. Впрочем, повседневной работой Совета Министров руководил Косыгин, а Хрущев занимался лишь наиболее важными вопросами экономической жизни страны.

Как я уже говорил, мне приходилось много общаться с Хрущевым, и потому я мог составить о нем достаточно полное и, надеюсь, объективное мнение как о личности и государственном деятеле. Природа одарила его многими важными качествами — прекрасной памятью, наблюдательностью, находчивостью. Как человек он был мне симпатичен. Мне казалось — и со временем я все больше убеждался в этом, — что его главным плюсом была человечность, гуманность. Его выступление на XX съезде о культе личности Сталина было продиктовано не только политическими соображениями, но и чисто человеческими качествами, он не боялся, хотя понимал, что многим рискует.

Вообще храбрость была свойством его натуры, я бы даже сказал неустрашимость, причем как физическая, так и нравственная. А это не всегда одно и то же. Впрочем, выступление на XX съезде требовало вестороннего мужества — как физического, так и морального. Приходилось видеть Хрущева и в других ситуациях, требовавших смелости. В Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 году он любил выходить на балкон советского представительства на весьма оживленной Парк-авеню

и при ярком свете юпитеров устраивал импровизированные пресс-конференции. В конце концов сами американские журналисты уговорили его прекратить эту опасную практику.

Но были и другие, менее привлекательные черты. Иногда смелость переходила у него в неоправданный риск. Это особенно проявилось во время Кубинского кризиса 1962 года. В других случаях ему не хватало терпения или, если хотите, выдержки, как, например, в ходе конфликта с Китаем. У него также была тенденция доводить даже разумную идею до крайности, до абсурда, как было с известной кампанией по тотальному внедрению кукурузы в нашей стране.

Но, пожалуй, самым слабым местом был недостаток его образования, что особенно сказывалось при решении экономических вопросов. По-моему, он понимал это и стремился заполнить указанный пробел, много читал. Но то, что упущено в юности, трудно восполнить в зрелые годы, особенно когда ты бываешь занят с утра до ночи.

Вспоминается такой занятный эпизод. Во время визита в Болгарию в 1962 году Хрущев высказывал свои мысли о Сталине в сравнительно узком кругу болгарских руководителей. Я слушал, стоя недалеко от него. В какой-то момент он процитировал слова Сальери из пушкинского «Моцарта и Сальери»: «А гений и злодейство две вещи несовместные»⁷. Я был удивлен, и Хрущев, видимо, заметил это. Позднее он подошел ко мне и сказал с улыбкой: «Я заметил ваше удивление, вы, наверное, полагаете, что я вообще ничего не читал».

Много говорилось и писалось об эмоциональных вспышках Хрущева во время выступлений или бесед. Как правило, это были наигранные моменты. Он был неплохой актер, возможно, научился этому у Сталина, и мог хорошо изображать гнев, возмущение, презрение и другие эмоции. Но в некоторых, сравнительно редких случаях Хрущев действительно выходил из себя. На мой взгляд, у него был своего рода комплекс неполноценности, и не только в отношении себя самого, но и государства, которое он возглавлял. И когда ему казалось, что кто-то проявлял неуважение к Советскому Союзу или к нему как представителю страны, он мог действительно взорваться и наговорить лишнего.

Хрущев осуществил немало реформ, придал социализму более человеческий облик. И все же в идеологическом плане он во многом оставался человеком прошлого, в частных беседах сам нередко признавал это.

У меня да и у других помощников не было трудностей в общении с Хрущевым. Он иногда, особенно к концу своей политической ка-

рьеры, бывал резок или даже груб с другими, в том числе со своими коллегами по руководству, но это никогда не распространялось на его ближайшее окружение.

Кю всему этому можно добавить, что у Никиты Сергеевича была хорошая семья и здоровая семейная жизнь. Во многом это заслуга Нины Петровны Хрущевой, женщины положительной, которая тщательно следила за порядком в семье. Она была первой из «первых леди» Советского Союза, которая стала сопровождать своего мужа в его поездках за рубеж. И неизменно производила там отличное впечатление, помогала ему создавать образ «социализма с человеческим лицом».

Не отставали от нее и представители молодого поколения семьи Хрущевых. Никого из них не затронула даже тень какого-либо скандала, чего нельзя сказать о семье Брежнева, сменившего Никиту Сергеевича.

Я приступил к работе в секретариате Председателя Совета Министров тогда, когда стали назревать серьезные перемены в тактической линии Кремля по отношению к западному миру, о чем я уже рассказывал. Различные шаги, которые были предприняты советским руководством для уменьшения международной напряженности, привели к тому, что мир несколько отодвинулся от опасного края. Но все это не привело к существенному прорыву в отношениях между Востоком и Западом. На некоторых критических направлениях положение, во всяком случае с точки зрения Кремля, ухудшилось. Западная Германия вооружалась быстрыми темпами и все прочнее вовлекалась в западный военный блок. Гонка вооружений наращивала темпы и была готова вырваться в космос. Переговоры о сокращении вооружений топтались на месте, а расходы на вооружение ложились все более тяжелым бременем на экономику нашей страны. Восточная Германия по-прежнему находилась в изоляции и подвергалась различным формам давления. Вдоль периметра СССР множились американские военные базы, новые военные базы создавались в Азии и на Ближнем Востоке.

Примерно в это же время появились первые трещины в советско-китайских отношениях. Надо отдать должное Хрущеву, это его очень беспокоило, и в августе 1958 года, всего за пару месяцев до начала берлинского кризиса, советский руководитель счел необходимым совершить поездку в Пекин и попытаться преодолеть некоторые разногласия, возникшие между двумя странами.

Если же говорить о Восточной Германии, то на Западе всегда господствовало представление, что руководители ее были не более чем пешки, которые передвигала на шахматной доске Москва. На самом деле они были активными игроками, постоянно до-

бывающимися от Москвы более наступательной тактики против Западной Германии и Западного Берлина. Наиболее часто выдвигавшийся аргумент сводился к тому, что Германская Демократическая Республика — это своего рода форпост социализма, а ее открытая граница с Западным Берлином использовалась западными государствами, чтобы подорвать позиции ГДР, разрушить ее финансовую систему и переманить ее население на Запад. Я это ясно видел, когда в 1961 году проводил свой отпуск в ГДР. Бывали периоды, когда Москву буквально бомбардировали посланиями и телефонными звонками из Восточного Берлина. Все это подтвердилось, когда восточногерманские архивы были открыты после объединения Германии.

Был еще один фактор, который побудил Хрущева переключиться в германском вопросе с умеренного на более наступательный внешнеполитический курс, а именно — изменения, происшедшие в космической гонке. Когда в октябре 1957 года Советский Союз вывел на орбиту первый спутник, я находился в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН и хорошо помню то огромное впечатление, какое это событие произвело на американцев, которые прислушивались к сигналу со спутника, когда он пролетал над американскими городами. Я присутствовал тогда на встрече А. А. Громыко с государственным секретарем США Джоном Фостером Даллесом, который не мог не поздравить нашего министра с этим выдающимся достижением советской науки. Разумеется, от полета первого спутника до межконтинентальных баллистических ракет пролегал еще долгий путь. Тем не менее на том этапе американцы психологически оказались в неблагоприятном положении. Это дало Хрущеву возможность заняться неким баллистическим блефом.

В качестве иллюстрации сошлюсь на спор, возникший перед поездкой советского руководителя в США в сентябре 1959 года. Хрущев сказал нам, его непосредственному окружению, что он намерен презентовать президенту Эйзенхауэру копию вымпела, доставленного на Луну советской ракетой, причем хотел сделать это в аэропорту сразу после приземления. Было видно, что он уже предвкушал тот момент, когда перед всеми телевизионными камерами продемонстрирует, что Советский Союз далеко обогнал Соединенные Штаты в космической гонке. Некоторые из нас запротестовали, утверждая, что это будет нетактичный жест, который вызовет отрицательную реакцию у президента, да и у американской публики в целом. После долгой дискуссии мы достигли своего рода компромисса: было решено, что Хрущев вручит свой лунный подарок на первой встрече с президентом в Белом доме, в при-

сутствии представителей средств массовой информации⁸. Так он и сделал, но даже в этом случае мне показалось, что Эйзенхауэр принял вымпел с довольно кислой улыбкой.

Что же в конечном итоге побудило Хрущева переключиться на тактику, которую сегодня могли бы назвать чем-то вроде шоковой терапии? Думаю, что он принял такую тактику под влиянием информации, поступавшей из различных источников, о серьезных дискуссиях, ведущихся в кругах НАТО и, прежде всего, между США и Западной Германией относительно возможности допущения бундесвера к ядерному оружию. Было очевидно, что, если бы это произошло без сопротивления со стороны Кремля, престиж Хрущева покатился бы вниз.

Посол США в Москве Люэллин Томпсон будто в воду глядел: 18 ноября 1958 года он телеграфировал в Вашингтон: «Хрущев торопится, считая, что время работает против него, в особенности в том, что касается вооружения Западной Германии атомным оружием. Поэтому я считаю, что западные державы должны быть готовы к каким-то серьезным событиям в ближайшие месяцы». И он оказался прав: «серьезные события» произошли всего лишь через девять дней после его прогноза — предупреждения.

По моему мнению, Томпсон был одним из лучших американских послов в Москве. Хотя, разумеется, я могу говорить только о тех, кого видел в действии. Во всяком случае, с уверенностью могу утверждать, что Хрущев высоко его ценил как дипломата и человека. Время от времени он приглашал его с женой и детьми к себе на дачу. Бывали там и мы с женой и нашей, дочерью. Все вели себя раскованно, не вспоминая о тяжелых распрах, разделявших наши страны.

27 ноября Советское правительство направило ноту трем западным державам и двум германским государствам. В ней выдвигалось требование положить конец оккупационному режиму в Западном Берлине и превратить его в независимую политическую единицу — свободный город. Речь шла о демилитаризации Западного Берлина и предоставлении ГДР контроля над подъездными путями к нему. Западным державам устанавливался срок — до 27 мая 1959 года — заключить соглашение о создании свободного города.

Нельзя сказать, что это было спонтанное решение. Президиум Центрального Комитета несколько раз обсуждал этот вопрос. Помню, как в моем присутствии Громыко зачитывал Хрущеву последний вариант ноты, в которую были включены все поправки, предложенные членами Президиума, да и самим Хрущевым.

Вообще говоря, утверждение, будто Никита Хрущев принимал решения по внешнеполитическим вопросам единолично, без консультаций со своими коллегами по руководству, не имеет под собой

оснований. Как правило, он скрупулезно соблюдал все необходимые процедуры. Как-то в 1957-м или 1958 году, когда Громыко уже стал министром, а я еще работал в МИДе его помощником, он жаловался: «Даллесе легко жить — ему достаточно согласовать тот или иной вопрос с одним адресатом — Президентом, а вот мне приходится обзванивать по крайней мере человек пять». Уже позднее мы, работники секретариата Хрущева, восхищались, как Громыко удавалось в окончательном тексте того или иного документа сгладить различные, нередко противоречивые, поправки, сохраняя при этом его основную направленность.

Хуже то, что со временем у многих других членов руководства появилось все меньше желания спорить с Хрущевым, особенно же в тех случаях, когда те или иные идеи и предложения исходили от него самого. Да и он начал к этому привыкать и становился все менее терпимым к чужим мнениям.

Так или иначе, в данном случае я не заметил, чтобы у кого-то из нового руководства возникли какие-либо возражения или колебания, несмотря на то, что речь шла о коренном изменении внешнеполитического курса, повороте к более жесткой политике, к тому же чреватой немалым риском.

На мой взгляд, Хрущев выдвинул убедительный набор аргументов в обоснование нового курса. Он говорил, что западные державы, по-видимому, не ценят умеренности и отказываются понимать ту очевидную истину, что конструктивные шаги с одной стороны требуют соответствующей положительной реакции с другой. И обратил внимание на то, что наши западные партнеры или оппоненты не сделали ни одного сколько-нибудь существенного шага навстречу Советскому Союзу или его союзникам. Напротив, они продолжают идти по проторенной дороге укрепления своих военных блоков, вооружения Западной Германии, окружения Советского Союза военными базами. В этой обстановке он не видел иной возможности, кроме как предложить, чтобы Советский Союз перехватил инициативу в «холодной войне». Ахиллесовой пятой Запада, по убеждению Хрущева, да и по общему мнению, был Западный Берлин. Поэтому, считал он, если мы хотим перехватить инициативу, то и давление должно быть оказано именно в этом слабом пункте.

Не исключаю, что при этом Никита Сергеевич хотел поднять и свой собственный рейтинг внутри страны, укрепить свои позиции в кремлевской иерархии после отстранения от власти Молотова, Маленкова, Кагановича и других оппозиционеров.

Весь этот план давления на Западный Берлин выглядел достаточно убедительным с точки зрения национальных интересов Советского Союза, как они трактовались в годы «холодной войны».

Слабость его заключалась в том, что в нем не было ясности ни относительно конкретных шагов в его осуществлении, ни относительно того, к чему все это может привести. Однажды я отважился обратиться внимание моего шефа на эту сторону дела. Употребляю слово «отважился» потому, что в тот момент был ещё зеленым новичком в секретариате и, мягко выражаясь, мог получить от ворот поворот. Однако Хрущев воспринял мой вопрос серьезно и сослался на слова Ленина в 1917 году накануне Октябрьской революции, когда тот сказал, что сначала надо ввязаться в бой, а там будет видно. Это был русский вариант известного наполеоновского афоризма⁹.

В первой декаде января 1959 года, в развитие своей инициативы, Советский Союз направил трем западным державам проект мирного договора с Германией и предложил созвать в марте 1959 года мирную конференцию. И затем продолжал нажимать на США, Великобританию и Францию, угрожая заключить сепаратный мирный договор с ГДР. В этом случае западные державы вынуждены были бы иметь дело непосредственно с правительством Восточной Германии, которое они не признавали, по всем вопросам, касающимся Западного Берлина.

Было очевидным, что Хрущев решил использовать берлинский рычаг по максимуму и потому действовал весьма решительно. Еще в конце 1958 года в беседе с американским сенатором Хубертом Хэмфри, будущим кандидатом в президенты, он откровенно дал понять, что хотел бы побыстрее узнать о реакции Белого дома на советские инициативы, и несколько раз спрашивал сенатора: «Что думают президент и государственный секретарь? Где же их контрпредложения?» В целом встреча прошла в типично хрущевском стиле с добавкой черного юмора с обеих сторон. Советский руководитель говорил о своем стремлении к миру и в то же время не удержался от некоторого бахвальства, стал уверять собеседника в том, что новые советские ракеты с ядерными боеголовками способны ударить по любому месту на планете, и затем спросил с лукавой улыбкой: «А где ваш родной город, господин сенатор?» Когда Хэмфри назвал Миннеаполис, Хрущев подошел к большой карте, висевшей на стене его кабинета, и с той же улыбкой, обведя Миннеаполис толстым синим карандашом, добавил: «Это чтобы не забыть дать указание не трогать этот город, когда полетят ракеты». В ответ сенатор, удостоверившись, что Хрущев постоянно живет в Москве, сказал: «Прошу извинить, господин председатель, но я не могу ответить такой же любезностью». Это вызвало общий смех.

С началом нового года стало казаться, что наш руководитель оказался как бы на перекутке: ему было неясно, что же делать даль-

ше. В духе прорицательницы Кассандры он продолжал предсказывать беды, которые наступят, если западные державы не примут советские требования относительно Западного Берлина. Но в отсутствие каких-либо контрпредложений с противоположной стороны возникала перспектива девальвации этих угроз, если они не будут подкреплены какими-нибудь конкретными действиями. А этого советскому лидеру делать не хотелось из опасения, что он может вступить на зыбкую почву с непредсказуемыми последствиями.

1959 год был очень беспокойным. За угрозами одной стороны следовали контругрозы, за зондажем — контрзондаж, за туманными намеками о том, что одна из сторон готова вступить в серьезные переговоры, следовали опровержения. В начале этого года состоялась поездка Анастаса Ивановича Микояна в США. Ему было поручено дать понять президенту и государственному секретарю, что Москва по-прежнему занимает жесткую позицию, но готова вести переговоры, а объявленный ранее крайний срок на самом деле не является ультимативным. Это была деликатная миссия, которая была по плечу, пожалуй, только Микояну. Вообще Хрущев часто посылал именно его туда, где требовался особенно тонкий подход, как, например, впоследствии на Кубу для успокоения уязвленного самолюбия кубинских руководителей после Карибского кризиса 1962 года. Или годом позже на похороны Джона Кеннеди для установления контактов с новым президентом Линдоном Джонсоном.

Я сопровождал Анастаса Ивановича в этой памятной поездке в роли советника и переводчика. Не знаю, была ли это инициатива Хрущева или самого Микояна, который прекрасно справился со своей нелегкой миссией. Американцы его воспринимали как альтер эго советского премьер-министра. Были встречи с президентом Дуайтом Эйзенхауэром и государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом, который вскоре скончался от рака. Был обед, на котором присутствовали вице-президент Никсон, Джон Фостер Даллес и его брат Аллен Даллес, руководитель ЦРУ. Думаю, что благодаря именно этим беседам берлинский вопрос начал наконец сдвигаться с мертвой точки.

Помимо официального дипломатического аспекта визита в США, состоялось большое турне по стране с выступлениями в ряде городов: перед представителями деловых кругов в Нью-Йорке и Детройте, перед адвокатами в Чикаго, студентами — в Лос-Анджелесе, киноактерами — в Голливуде — и повсюду многочисленные пресс-конференции. Обстановка тогда, после венгерских событий, была для нас малоприятной. Может быть, хуже, чем когда-либо. В Чикаго в нас бросали яйца, в Лос-Анджелесе при вы-

ходе Микояна из самолета пронесли открытый гроб с надписью «Для Микояна». Да и вопросы на пресс-конференциях и после выступлений были отнюдь не благожелательные. Представляю себе, как реагировал бы на это Хрущев! Но у Микояна был свой стиль — ирония, сарказм, юмор или спокойное опровержение.

В Вашингтоне Микояну предложили выступить в известной программе «Встреча с прессой», где Анастас Иванович должен был ответить на вопросы пяти ведущих американских журналистов. Наш тогдашний посол в США Михаил Меншиков стал уговаривать его отказаться от приглашения, говоря, что дело кончится скандалом. Микоян отвел аргументы посла, сказав: «Послушайте, если я, член Политбюро, не смогу справиться с каким-то журналистом или несколькими журналистами, то куда мы все годимся?»

Он действительно справился со всей этой компанией. Приведу только один отклик из такой солидной газеты, как «Вашингтон пост»:

«...Рискуя подвергнуться нападкам всех бешеных собак из правой печати, осмеливаюсь высказать мнение, что Микоян проявил себя чрезвычайно хорошо в поединке с некоторыми из наших самых крутых журналистов, вроде Маркиза Чайлдса из газеты «Сент-Луис пост-диспэтч», Сесилия Брауна из «Нейшнл Бродкастинг Корпорейшн», Гарри Шварца, специалиста по русским делам газеты «Нью-Йорк тайме», и Лоренса Спивака, который проявил себя как последний осел. Микоян выказал обаяние, разумность и быстрый ум, гораздо более быстрый, чем у Спивака, который в одном случае потерпел полный провал в обмене репликами с Микояном...»

И далее в таком же духе.

Но, пожалуй, самой драматичной частью поездки был наш полет через Атлантический океан самолетом скандинавской авиакомпании «САС». Где-то над океаном через пару часов после вылета из Нью-Йорка загорелся один из двигателей. Когда команде с трудом удалось его потушить, загорелся другой. Далее мы летели на двух двигателях, постепенно снижая высоту. Команда стала готовиться к посадке на воду: переводили женщин и детей в хвост самолета, снабдили всех нас подушками, чтобы прикрыть голову при ударе. Помню, Анастас Иванович сказал тогда: «Хорошо, что это случилось на обратном пути. Во всяком случае, мы выполнили свою миссию».

К счастью, все обошлось благополучно: удалось сесть на какую-то американскую военно-морскую базу. При этом Микоян полшуты-полусерьезно заметил: «Если бы это была наша база, могли бы и сбить самолет».

Вскоре после нашего возвращения домой в том же январе 1959 года последовал визит премьер-министра Великобритании

Гарольда Макмиллана. С ним Хрущев вел себя довольно агрессивно, а временами даже вызывающе. Я был удивлен, однако прочитал впоследствии в опубликованных дневниках Макмиллана, что он вернулся из Москвы с положительными впечатлениями, с чувством, что стал лучше понимать советского руководителя: «Он был мне интересен потому, что больше похож на тех русских, о которых мы читали в романах, чем большинство русских технократов. Кажется, что все они сделаны в Германии — какие-то жесткие, с ними нельзя было по-настоящему беседовать. А с Хрущевым можно».

В конце концов, после поездок вице-президента Ричарда Никсона и Аверелла Гарримана в Москву и заместителя премьер-министра Фрола Козлова в Соединенные Штаты, Хрущев получил официальное приглашение от президента Эйзенхауэра посетить США с официальным визитом. Это было не без основания воспринято в Москве как своего рода прорыв, конкретный результат давления по вопросу о Западном Берлине, которое оказывалось на западные державы. Полученное приглашение, а также то, что перспектива оснащения Западной Германии ядерным оружием отошла на задний план, подкрепили мнение Хрущева, что он избрал правильную тактику в отношениях с западными державами.

Результаты визита в Соединенные Штаты не были однозначными. Безусловно, между двумя лидерами появились ростки взаимопонимания. Тогда это называли «Духом Кэмп-Дэвида». Хрущев был воодушевлен оказанным ему торжественным приемом, который воспринимался как вторичное признание коммунистической России первой державой капиталистического мира. Учитывая сохранившийся у него комплекс неполноценности, в его глазах это имело немаловажное значение. Но если судить более прозаическими мерками, то счет, был в лучшем случае равный, а может быть, даже с некоторым преимуществом на стороне американцев.

Коренной вопрос, вопрос о Германии, два руководителя обсуждали один на один в присутствии только переводчиков. Похоже было, что как та, так и другая сторона предпочитала, чтобы никто не сидел за спиной собеседника. Хрущев постоянно подозревал, что Эйзенхауэр находился под влиянием различных экстремистов. Что касается президента и его окружения, то у них, насколько я мог судить, создалось впечатление, что советский лидер играл на публику и что сторонники жесткой линии в лице Громыко оказывали на него отрицательное влияние.

Однако даже в отсутствие наблюдателей или подсказчиков переговоры шли чрезвычайно туго. Время от времени казалось, что они вообще зашли в тупик, хотя беседа все время велась в спокойном

и уважительном тоне. На второй день стало просматриваться нечто осязаемое. Советский лидер пошел на уступку, признав, что переговоры по Берлину не должны быть ограничены какими-либо сроками. Таким образом была снята угроза, что Советский Союз предпримет односторонние действия, которая висела дамокловым мечом над западными державами. В свою очередь, президент Эйзенхауэр согласился, что переговоры не должны затягиваться на неопределенный срок, что представляло собой гораздо менее определенное обязательство. Была также достигнута договоренность, при условии согласия других непосредственно заинтересованных сторон, о созыве нового совещания глав четырех держав. Кроме того, Хрущев пригласил президента США посетить Советский Союз с официальным визитом следующей весной.

Видимо, Эйзенхауэра беспокоило, как пройдет заключительная пресс-конференция Хрущева в Вашингтоне, не сорвется ли он и не поставит ли под вопрос достигнутые договоренности. Но пресс-конференция прошла гладко, с использованием только парламентских выражений. Поэтому сразу после ее окончания президент позвонил мне в резиденцию, где мы жили, и попросил передать Хрущеву, что он прослушал всю пресс-конференцию и находит, что она прошла отлично.

Хрущев вернулся из США в хорошем настроении, с чувством уверенности в том, что он достиг существенных политических результатов. Будучи человеком эмоциональным, увлекающимся, он стал воспринимать свою поездку за океан как начало новой эры в советско-американских отношениях. В частности, уверовал в то, что западные державы пойдут на уступки по германской проблеме. Советская пропаганда, прославлявшая «Дух Кэмп-Дэвида», раздувала эти иллюзорные ожидания. Должен признаться, что этим недостатком страдала и книга «Лицом к лицу с Америкой», в которой в бравадных тонах описывалось пребывание советского лидера в Соединенных Штатах. Книга была написана группой авторов (в том числе и мною), сопровождавших Хрущева в его поездке¹⁰.

Под влиянием этой эйфории советский лидер в январе 1960 года выступил в Верховном Совете с предложением сократить вооруженные силы на 1,2 миллиона человек или на одну треть в течение двух лет. Он говорил о том, что военные тучи рассеиваются, что в ядерный век многочисленные армии, надводные флоты и бомбардировочная авиация становятся устаревшими. Производить ракеты с ядерными боеголовками, по его словам, стало дешевле, чем содержать сухопутные войска. А сокращение военных расходов привело бы к повышению жизненного уровня населения.

Генералы и адмиралы не были в восторге от этих идей и не стеснялись высказывать свое мнение. На одном из заседаний Совета Обороны некоторые из известных маршалов, в том числе Тимошенко, высказали сомнения относительно предложения Хрущева. Я не присутствовал на этом заседании, и мне не известно, какова была реакция моего шефа. Позднее, однако, я слышал, как он иногда говорил, что генералы обычно готовятся к прошлой войне.

Примерно в это же время Хрущев отправился в небольшое путешествие по стране с короткими остановками в различных путешественных пунктах, что давало возможность прозондировать настроения населения. Как потом рассказывал Г. Т. Шуйский, который сопровождал нашего шефа в этой поездке, почти повсюду настроение было приподнятое, высказывались надежды на мир, на улучшение международных отношений. Были слышны слова благодарности руководству за успехи во внешней политике. Можно было полагать, что такой прием воодушевит Хрущева. На самом деле он был обеспокоен. По словам Шуйского, после одной из таких встреч он начал как бы рассуждать вслух: «Не внушаем ли мы несбыточные надежды всем этим людям? А что, если мы не сможем реализовать то, что они воспринимают как наши обещания — добиться такой разрядки, которая позволит значительно поднять жизненный уровень народа?»

По-видимому, происходила смена настроений, довольно типичная для Никиты Сергеевича, когда эйфория постепенно уступала место более трезвому взгляду на вещи. Для этого были не только эмоциональные, но и реальные причины. К весне 1960 года в отношениях между Востоком и Западом, казалось, вновь наступил спад. Опять возникла перспектива передачи ядерного оружия Бундесверу. На своей пресс-конференции в феврале президент Эйзенхауэр произнес слова, которые в Кремле отдались тревожным набатом. Он сказал, что США не должны отказывать своим союзникам в том, что имеют враги, здесь он поправился, — потенциальные враги. Он далее заявил, что интересам Соединенных Штатов отвечала бы «либерализация» законодательства относительно ядерных секретов. Можно представить себе, какое впечатление в Советском Союзе произвела перспектива наличия ядерного оружия у Западной Германии, когда в умах людей все еще свежи были воспоминания о недавней войне.

Из различных источников, в том числе разведывательных, поступало все больше информации, свидетельствующей о том, что у западных держав не было намерений сколько-нибудь смягчить свою позицию по германскому вопросу. Максимум, на что можно было надеяться, так это на соглашение о частичном запрещении

испытаний ядерного оружия. В этой ситуации Хрущев оказался бы на мели, имея перед собой только две альтернативы: либо возобновить свои угрозы относительно Западного Берлина, либо на какое-то время игнорировать весь этот вопрос. Ни одна из них не могла рассматриваться как удовлетворительная.

К тому же остро стоял на повестке дня вопрос о Китае. Почти немедленно по возвращении из Вашингтона Хрущев полетел в Пекин, где отмечалась десятая годовщина образования Китайской Народной Республики¹¹. Сам этот факт как бы символизировал необходимость сохранять баланс между двумя международными гигантами. Визит в Китай был для Хрущева последним.

К тому времени похолодание в отношениях между ним и Мао стало очевидным. Китайские руководители перестали делать секрет из их отрицательного отношения к Хрущеву, который, как они считали, заискивал перед американскими империалистами. А в Москве нельзя было не почувствовать, что среди определенных кругов общества возникало недовольство обострением отношений с Китаем. Помню, что примерно в этот период мне было несколько звонков от людей, чье мнение я привык ценить, с просьбой сделать все возможное, чтобы предотвратить разрыв с государством, добрые отношения с которым имеют такое большое значение для нашей страны.

Чем ближе приближалось 16 мая, дата начала конференции глав четырех держав, тем более проблематичными выглядели ее перспективы, с точки зрения специалистов, готовивших материалы для нашей делегации. Было очевидно также, что наш шеф был серьезно обеспокоен тем, что конференция не оправдает ранее возглавлявшихся на нее ожиданий.

Именно в это время, как гром среди ясного неба, возник инцидент с американским самолетом-разведчиком У-2. Полеты этих самолетов начались еще в июле 1956 года и регулярно продолжались все это время. В течение нескольких лет советская система зенитной обороны была не в состоянии сбить американские самолеты ввиду их исключительно высокого потолка. Когда Хрущеву докладывали об очередном нарушении нашего воздушного пространства, он каждый раз возражал против того, чтобы публично объявлять об этом или заявлять протест американцам. Его доводы сводились к тому, что нам ни к чему рекламировать свою беспомощность или протестовать против действий, которые мы не можем пресечь. «Это только подчеркнет наше унижение», — говорил он. И нажимал на наших специалистов, требуя, чтобы они поскорее освоили зенитную ракету нового типа, способную сбить У-2.

Каждый новый полет У-2 был не только унижением. Он давал дополнительные аргументы тем, кто вновь и вновь утверждал, что верх простодушия верить в добрые намерения Вашингтона. В самом деле было трудно понять логику, которой руководствовался Вашингтон, особенно в свете того, что нам известно теперь, а именно, что президент осознавал всю рискованность своих действий. Генерал Эндрю Гудпастер, его адъютант, характеризовал эти полеты как «нечто граничащее с провокацией, с началом военных действий, поскольку это было нарушение их территории».

Рано или поздно, но мина замедленного действия должна была прийти в действие, и она в конце концов взорвалась 1 мая 1960 года. Вечером этого дня, вскоре после того как я вернулся с традиционного парада и демонстрации на Красной площади, мне позвонил дежурный из приемной Хрущева и сообщил, что Никита Сергеевич просил позвонить ему домой.

Когда я связался с ним, он спросил, слышал ли я, что в районе Свердловска сбит американский самолет и что летчик находится в наших руках¹². Когда я подтвердил, что об этом слышал, Хрущев сказал, что это может послужить причиной срыва конференции в верхах в Париже. Затем он поручил мне вызвать «кого надо», как он выразился, на следующее утро на 11 часов для подготовки речи, с которой он намерен выступить на сессии Верховного Совета СССР.

В течение следующих нескольких дней мы помогали нашему шефу подготовить своего рода ловушку для Белого дома. Надо сказать, что Хрущев делал это с большим удовольствием. Мы все не сомневались, что наших оппонентов следует хорошенько проучить.

Был момент, когда весь план чуть не сорвался. На одном из приемов Яков Малик, который тогда работал заместителем министра иностранных дел, проговорился в беседе со шведским послом, сообщил ему, что летчик жив и находится в наших руках. Трудно понять, как мог опытный дипломат совершить такую оплошность. Карьера Малика повисла на волоске. Он, естественно, сильно забеспокоился и принялся звонить по всем телефонам в поисках защиты. Звонил и мне с просьбой убедить Хрущева принять его. Никита Сергеевич отмахнулся и сказал, что принимать провинившегося он не будет. Но в то же время дал понять, что ничего страшного с Маликом не произойдет. Видимо, мягкость реакции объяснялась тем, что проступок заместителя министра не имел серьезных последствий: либо шведский посол не передал услышанную им информацию дальше, либо — и это более вероятно — она была воспринята как дезинформация.

Хрущев произнес две или три речи на сессии Верховного Совета, провоцируя Вашингтон на все новые опровержения, каждое из которых противоречило предыдущему. И все же казалось, что конференция в Париже находилась вне опасности, пока президент США оставался как бы не замешанным лично в этом деле. Сам Хрущев старался не выдвигать никаких обвинений, направленных непосредственно против Эйзенхауэра. Однако в конце концов Государственный департамент признал 9 мая, что полеты над советской территорией были санкционированы президентом. Было также дано понять, что они будут продолжены. Через пару дней Эйзенхауэр сам подтвердил на пресс-конференции, что он лично несет ответственность за полеты, и заявил, что они необходимы для обеспечения национальной безопасности и поэтому будут продолжены.

В те дни английский премьер-министр Гарольд Макмиллан писал в своем дневнике: «Хрущев произнес пару очень занятных и эффектных речей с нападками на американцев за то, что они некомпетентно шпионили и также некомпетентно лгали. Он может отменить конференцию на высшем уровне. Или это могут сделать американцы под влиянием его укусов».

После того как сам президент признал личную ответственность за полеты самолетов У-2 и публично заявил, что они будут продолжены, многие наблюдатели выражали уверенность, что в этих условиях непосредственное столкновение между ним и Хрущевым стало неизбежным. Должен сказать, что и у нас было такое предчувствие. Не только сам Хрущев был поставлен в тяжелое положение, но и его страна была унижена и оскорблена. Можно было не сомневаться, что если бы он не реагировал достаточно жестко, ястребы в Москве и Пекине использовали бы этот инцидент — и не без основания — как доказательство того, что во главе Советского Союза стоит лидер, готовый снести любое оскорбление со стороны Вашингтона.

11 мая, когда Хрущев появился в Парке культуры имени Горького, где были выставлены обломки сбитого самолета У-2, он прозрачно намекнул, что в Советском Союзе не будут приветствовать приезд президента Эйзенхауэра и что намеченный визит придется отменить. Однако что касается перспектив саммита, то позиция СССР оставалась неясной. Создавалось впечатление, что сам Хрущев не мог определиться в этом вопросе.

Согласно его опубликованным воспоминаниям, он принял решение занять жесткую позицию на конференции, только когда самолет поднялся в воздух, направляясь в Париж. В этом случае, как и в некоторых других, память подвела его. Впрочем, это и не-

удивительно, поскольку он диктовал свои мемуары через много лет после происшедших событий, да к тому же не имея возможности проверить все факты.

На самом деле окончательное решение было принято в аэропорту непосредственно перед вылетом в Париж. Все мы уже заняли свои места в самолете Председателя Совета Министров, в то время как он, Громыко и министр обороны маршал Малиновский оставались в павильоне, который обычно использовался для церемоний при встрече и проводах высоких гостей. Там шел последний обмен мнениями с членами Президиума Центрального Комитета. Вскоре после того как самолет поднялся в воздух, Хрущев пригласил тех из нас, кто составлял его непосредственное окружение, в свой отсек, чтобы информировать об окончательном решении.

Он сообщил, что намерен потребовать от президента Эйзенхауэра, чтобы тот дал обязательство никогда вновь не нарушать воздушное пространство Советского Союза, выразил сожаление по поводу имевших место нарушений и наказал тех, кто несет за них непосредственную ответственность. Хрущев добавил, что считает практически невероятным, чтобы Эйзенхауэр принял эти требования. Поэтому, по его мнению, представляется весьма вероятным, что конференция закончится провалом, не успев начаться. «Это достойно сожаления, — сказал Хрущев, — но у нас нет выбора. Полеты У-2 — это не только циничное нарушение международного права, но и грубое оскорбление Советского Союза».

Все это было встречено полным молчанием. Я сомневаюсь, чтобы у кого-либо из присутствовавших возникли сомнения относительно правомерности этого решения. Но большинство, если не все, были обескуражены тем, что перед нами открывалась перспектива возврата к худшим временам «холодной войны». В советском посольстве в Париже на Рю де Гренель царил атмосфера подавленности. Помню, что заместитель министра иностранных дел Валериан Зорин, который обычно не склонен был поддаваться эмоциям, ходил по посольству, повторяя: «Ну и ситуэйшен».

Пожалуй, единственный человек, которому ход событий пришелся явно по душе, был маршал Родион Малиновский. В некоторых публикациях о деле с У-2 утверждается, будто бы московские ястребы поручили ему следить за советским лидером, чтобы тот не отклонялся от жесткой линии. Это нонсенс. Хрущев настроился на жесткий курс и не нуждался в контроле или подталкивании. Если он в чем-то и нуждался, так это в сдерживании, чтобы он не переигрывал роль человека, возмущенного нанесенным ему оскорблением. В какой-то момент, когда мы с нашим министром иностранных дел находились у него в кабинете, он вспомнил, что

государственный секретарь США Гертер был калекой, передвигался на костылях. И вдруг Хрущеву пришла в голову фантастическая мысль: «А что, если при случае сказать: Бог шельму метит?» Не знаю, говорил он это всерьез или нет, но мы с Громыко в один голос воскликнули, что такое говорить совершенно невозможно. Уговаривать нам Никиту Сергеевича не пришлось.

Тем не менее он все-таки переигрывал, в особенности на пресс-конференции, состоявшейся непосредственно после провала саммита. Он действительно вышел из себя, когда его начали осистывать, мешая говорить.

Пожалуй, наиболее достойно во всей этой истории вел себя генерал де Голль. Он поддерживал американцев, но при этом намекал, что вся эта история лишь частный случай, который не может коренным образом изменить общий ход событий. Хрущеву он говорил, что советский спутник каждый день пролетает над Францией, однако французы воспринимают это спокойно, не поднимают шума.

Возникшую ситуацию болезненно воспринимал Гарольд Макмиллан. Хотя, может быть, это тоже была только игра. Помнится, он как-то довольно поздно вечером приехал в наше посольство, чтобы еще раз встретиться с Хрущевым и в последний раз попытаться отговорить его от решительных действий, которые привели бы к срыву конференции. Хрущев был непреклонен, требуя извинения от Эйзенхауэра и наказания виновных. Впрочем, как и с де Голлем, он вел беседу с Макмилланом в самых мягких и вежливых тонах, адресуя все свое возмущение американскому президенту.

При всем своем огорчении Макмиллан все же не утратил чувства юмора. В конце беседы произошел не относящийся к делу, но довольно занятный обмен мнениями. Хрущев спросил, англичанин ли премьер-министр, Макмиллан ответил отрицательно, сказав, что он шотландец. На аналогичный вопрос министр иностранных дел Селвин Ллойд ответил, что он не англичанин, а уэльсец. Посол в СССР Райли оказался ирландцем. Тогда на удивленную реплику Хрущева: «Так выходит, среди вас нет ни одного англичанина», Макмиллан ответил: «Да, все мы украинцы или грузины». Это вызвало дружный смех и несколько разрядило общую гнетущую атмосферу.

После того как Эйзенхауэр, как и следовало ожидать, отверг все требования Хрущева, и конференция была провалена, мы возвращались в Москву не в лучшем настроении. Если судить по уровню полемики, то 1960 год был одним из худших за все время «холодной войны». Хрущев превзошел самого себя, призывая Божий гнев на голову президента Эйзенхауэра. В конечном итоге

получилось так, что не Белый дом вынужден был оправдываться, а постоянные вспышки советского лидера стали вызывать отрицательную реакцию в мировом общественном мнении.

Должен признаться, что те из нас, кто мог бы в тактичной форме предостерегать нашего начальника в тех случаях, когда он заходил слишком далеко, редко пользовались этой возможностью. Поэтому мы несем свою долю ответственности за некоторые его погрешности. Помню случай, когда Нина Петровна Хрущева, услышав, что ее муж неправильно произнес какое-то слово, сказала моему коллеге Владимиру Лебедеву и мне: «Почему вы не поправляете его? Если вы не будете обращать внимание на его оплошности, кто же тогда будет?»

В то время Хрущев имел в виду еще одну цель: он уверился, что его тактика нападков на республиканскую администрацию в связи с У-2 повредит Ричарду Никсону в его предвыборной кампании и поможет Джону Кеннеди. Хрущев по-прежнему воспринимал Никсона как исчадие ада, а кандидат демократической партии, который выразил в несколько туманной форме свое сожаление по поводу инцидента с У-2, стал представляться ему, если не как ангел небесный, то, во всяком случае, как политический деятель, не запятанный советско-американскими стычками последних восьми лет. Мне казалось, что это была очень сомнительная гипотеза. Как правило, любое иностранное вмешательство во внутренние дела другого государства наносит вред и тому, кто вмешивается, и тому, за кого ратует. Правда, на встрече в Вене в 1961 году, когда Хрущев сказал Кеннеди: «Мы голосовали за вас», президент ответил, что он чувствовал это. Но в действительности любое воздействие советской пропаганды на ход выборов вряд ли приносило пользу кандидату демократов, скорее наоборот.

В сентябре 1960 года в обстановке острой мировой напряженности мы отправились на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Как только стало известно, что в Нью-Йорк едет сам Хрущев, рутинная сессия быстро превратилась в событие. В Нью-Йорк потянулись ведущие государственные деятели со всех концов света — Макмиллан и Неру, Насер и Кастро, Тито и Сукарно и многие другие президенты и премьер-министры, не говоря уже о руководителях восточноевропейских стран. Хрущев не без основания расценивал это как признак того, что Советский Союз пользовался высокой степенью влияния в мире.

Это было время, когда распадались старые колониальные империи. Четырнадцать новых государств из Африки и Азии должны были занять места в зале Генеральной Ассамблеи. Но многие другие продолжали пребывать под иностранным господством. В ходе

обсуждения в Кремле перед отъездом в Нью-Йорк было решено, что советская делегация в качестве своей главной инициативы выдвинет проект резолюции с призывом немедленно предоставить независимость всем колониальным территориям. Это было расценено как весьма своевременное предложение, которое, несомненно, покажется привлекательным развивающимся странам и продемонстрирует, что советское руководство настроено не менее антиимпериалистически, чем китайцы.

В характере Хрущева всегда было что-то озорное. Судя по некоторым его высказываниям, у него появилось непреодолимое желание появиться непрошеным гостем при дворе «князя тьмы», каким он стал представлять себе Эйзенхауэра, и тем самым унижить его.

Президент Эйзенхауэр выступил на заседании Генеральной Ассамблеи в первый день общей дискуссии. Как писал лондонский журнал «Экономист», он позволил манипулировать собой, как реквизитом на вращающейся сцене, лишь бы не входить в прямой контакт с Хрущевым.

Мы провели в Нью-Йорке целый месяц. В выступлениях Хрущева в ООН, в его высказываниях на пресс-конференциях и интервью постоянно присутствовали три темы: критика правительства США, угроза ядерной войны и требование предоставить свободу колониальным странам. Он использовал каждую возможность, чтобы привлечь внимание публики к темам, которые ему представлялись наиболее важными. Он выступал и с балкона представительства СССР при ООН, и с трибуны ООН, и в Гарлеме, куда отправился, чтобы посетить Фиделя Кастро. Беседовал он с журналистами и у въезда на территорию загородного дома советского представительства под Нью-Йорком.

Хрущев с уважением относился к западным, особенно американским, журналистам за их активность и трудолюбие. Он восхищался Маргарет Хиггинс из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», видя, как она, будучи на седьмом месяце беременности, протискивалась через толпу журналистов. Он высоко ценил Гаррисона Солсбери из «Нью-Йорк таймса» не только за его глубокие комментарии, но и за то, что тот, став уже известным писателем¹³, готов был спать ночью в своей машине у советского представительства, лишь бы не пропустить какое-нибудь непредвиденное происшествие. Это чувство уважения, по-видимому, было взаимным, поскольку Солсбери посвятил Хрущеву целую главу в своей последней книге «Герои моего времени».

На XV сессии Генеральной Ассамблеи было немало запоминающихся моментов. Но, пожалуй, она навсегда войдет в историю

ООН из-за того момента, когда Никита Хрущев, желая выразить свое возмущение по поводу каких-то высказываний одного из ораторов, начал стучать кулаками по пюпитру, а затем, решив, что этого недостаточно, снял с ноги ботинок и пустил его в ход.

В тот памятный день я не поехал на заседание Генеральной Ассамблеи. Но когда Хрущев вернулся в представительство, я оказался недалеко от входа. Было видно, что он пребывал в веселом настроении. Увидев меня, спросил, был ли я на заседании, и, услышав отрицательный ответ, воскликнул: «Вы очень много потеряли! Это была такая умора! Ведь ООН — это своего рода международный парламент, где меньшинство должно подавать голос разными путями. Пока что мы в меньшинстве. Но ненадолго».

В тот вечер у нас на ужине был венгерский лидер Янош Кадар, человек, обладавший острым умом и чувством юмора. Видимо, Кадар считал необходимым каким-то образом выразить свое отношение по поводу случившегося, а оно не было особенно благоприятным. «Товарищ Хрущев, — сказал он, — помните, вскоре после того, как вы стучали ботинком по столу, вам пришлось выйти к трибуне, чтобы выступить по процедурному вопросу. Так в этот момент наш министр иностранных дел товарищ Шик повернулся ко мне и спросил: «Как вы думаете, он успел надеть обратно ботинок или же пошел босиком?» Многие из сидевших за столом начали хихикать. У меня было чувство, что в тот момент наш лидер, может быть, понял, что зашел слишком далеко.

Когда мы вернулись в Москву, Леонид Ильичев, который тогда был секретарем ЦК по вопросам идеологии и мог быть причислен к ортодоксам, принялся выражать нам свое недоумение. Он сказал, что, когда из Нью-Йорка начали поступать сообщения об инциденте с ботинком, первая реакция в Москве сводилась к тому, что это какая-то провокация западной пропаганды, и даже подумывали, не стоит ли глушить радиопередачи на эту тему.

Сразу после Генеральной Ассамблеи Хрущев снова столкнулся с китайской дилеммой, которая постоянно была у него на уме. Выработалось уже нечто вроде условного рефлекса — обращение взора с Востока на Запад и снова на Восток. После первой поездки в Соединенные Штаты, как я уже говорил, он сразу же направился в Пекин. Теперь, после второй поездки через океан, в ноябре в Москве должно было состояться международное Совещание представителей коммунистических партий, на котором в качестве центрального вопроса стояли отношения между КПСС и китайской компартией. К тому времени отношения между Москвой и Вашингтоном достигли точки замерзания, и, казалось, настало подходящее время для новой попытки наладить дела с Пекином. Уже в течение некоторого време-

ни действовала советско-китайская редакционная группа во главе с Михаилом Сусловым и Дэн Сяопином. После длительного перетягивания каната ей в конечном итоге удалось если не преодолеть, то, во всяком случае, пригладить имеющиеся разногласия. Хотя Хрущев на всякий случай пожурил Суслова за то, что тот пошел на слишком большие уступки «под бичами китайцев», он тем не менее был доволен. Разрыв с Китаем тяготил его, и теперь, казалось, солидарность могла восторжествовать. Вскоре, однако, выяснилось, что эта солидарность существовала лишь на бумаге: она рассыпалась в прах при первом соприкосновении с суровой реальностью.

Вскоре после этого в Белом доме появился новый президент, и кремлевские деятели вновь обратили свои взоры на Запад.

На грани...

*Встреча в Вене — Берлинская стена — Идея Хрущева —
Ракеты на Кубе — Джон Кеннеди предостерегает —
Ночное заседание в Кремле — Обмен посланиями —
Критические дни и часы — Разрядка*

Отношение Хрущева к новому президенту США Джону Кеннеди со временем претерпевало серьезные изменения. А вместе с этим менялся и советский внешнеполитический курс. Вначале у Хрущева были немалые надежды на то, что вновь избранный президент поведет дело к улучшению советско-американских отношений, хотя эти надежды не подкреплялись чем-либо конкретным, разве что заявлением Кеннеди о том, что, будь он президентом во время истории с У-2, то выразил бы сожаление советскому правительству. Хрущев был склонен принять желаемое за действительное, игнорируя при этом такой факт, как постоянные призывы Кеннеди вкладывать больше средств в производство ракетно-ядерного оружия, чтобы превзойти в этой области Советский Союз, который якобы во многом опередил США в этой области (в действительности дело обстояло как раз наоборот).

Вскоре после того как Кеннеди стал президентом, надежды Хрущева стали быстро улетучиваться. Начали поступать сведения о возможном нападении американцев на Кубу. Хрущев, однако, не торопился с ответными акциями, он занял выжидательную позицию, пытаясь выяснить, что в действительности и заявлениях Кеннеди относится к риторике, а что к реальной политике. Именно поэтому он не торопился с ответом на полученное от американского президента предложение провести встречу между ними в конце февраля 1961 года.

В середине апреля силами оппозиционной эмиграции состоялось вторжение на Кубу¹⁴. Организованное и поддержанное США, оно окончилось позорным провалом. А в Кремле пришли к выводу, что хрен редьки не слаще: президент-демократ стоит президента-республиканца. И решили, что время для советско-американской встречи в верхах назрело и что Кеннеди, потерпев унизительное поражение, изначально окажется на этой встрече в невыгодном положении. Как в политическом, так и психологическом плане. В Вашингтон пошло предложение организовать саммит в начале июня. К удивлению Хрущева, Кеннеди не заставил себя ждать с ответом и принял предложение. Встреча была назначена на 3–4 июня в Вене.

Я хорошо помню тот день, когда Хрущев вернулся в свою резиденцию после первой встречи с Кеннеди, которая состоялась в доме посла США в Австрии. Это была встреча с ограниченным составом участников (с нашей стороны были Хрущев, Громыко, Анатолий Добрынин, в то время заведующий отделом США в МИДе, и Виктор Суходрев, который за пару лет до этого сменил меня в качестве нашего главного переводчика и прекрасно справлялся с этой обязанностью). Остальные из нашей команды с нетерпением ожидали возвращения Хрущева, чтобы узнать о результатах. Как только наш шеф вышел из машины, мы окружили его с вопросами, какое впечатление произвел на него новый президент. Его ответ был однозначным: «Ну, что вам сказать. Это очень неопытный, может быть, даже незрелый человек. По сравнению с ним Эйзенхауэр — это глубоко мыслящий деятель, с широкими взглядами на действительность». И далее в том же духе.

В некоторых случаях я присутствовал на заседаниях или на протокольных мероприятиях, где шел обмен мнениями между Кеннеди и Хрущевым. У меня сложилось впечатление, что американский президент был не в лучшей форме. Может быть, это был результат плохого самочувствия. В начале одной из бесед, несмотря на советы некоторых людей из его окружения, в частности посла Люэллина Томпсона, он затеял дискуссию на идеологические темы. Разговор, разумеется, был бесперспективен, он лишь занял время и испортил настроение обоим собеседникам. Кроме того, Кеннеди был несколько обескуражен энергичным нажимом, который Хрущев оказал на него при обсуждении проблемы Берлина. Советский лидер рисовал картины пагубных последствий, которые будут иметь место, если западные державы не проявят готовность к сотрудничеству в поисках взаимно приемлемого урегулирования.

Кеннеди покинул Вену в плохом настроении, ожидая наступления, как он выразился, «холодной зимы». С тяжелым сердцем

вернулся в Москву и Хрущев. К тому времени прошло почти три года, как Москва впервые предъявила ультиматум по Западному Берлину. Однако западная позиция оставалась практически неизменной. Более того, если в последние месяцы 1958 года и в 1959 году можно было надеяться хоть на какую-то видимость прогресса, теперь, после встречи с Кеннеди, эти надежды растаяли. Советское руководство оказалось перед дилеммой: либо продолжать словесное давление, расписываясь в своем бессилии, либо предпринять те или иные практические шаги, чтобы продемонстрировать слабость западных позиций в Западном Берлине, но тут существовал риск вооруженного конфликта.

Между тем лидеры Восточной Германии все более настойчиво били тревогу по поводу утечки людей из ГДР на Запад. Была и другая причина растущего беспокойства: тысячи путешественников из Западного Берлина, ФРГ и различных других стран имели возможность свободно обменивать западные марки на восточные по выгодному курсу 1:4 и скупать дешевое продовольствие и ширпотреб в ГДР.

Насколько можно судить, именно в это время у восточногерманских руководителей возникла идея берлинской стены. Для Хрущева это было настоящей панацеей, даром богов, спасением лица. Однако, не желая взваливать всю ответственность на советскую сторону, он предложил обсудить идею возведения стены, разделявшей восточную и западную части Берлина, на встрече лидеров стран Варшавского Договора.

Такая встреча состоялась в Москве с 3 по 5 августа. Если судить по протоколам совещания, то вопрос о берлинской стене на нем не дискутировался, кроме нескольких косвенных упоминаний. Но это и понятно: решение о возведении стены должно было сохраняться в большой тайне до самого последнего момента. Любое упоминание на бумаге о принятом решении могло сделать тайное явным. Так или иначе, секрет хранился за семью печатями. Когда президента Кеннеди впервые информировали о том, что происходит разделение Берлина, он воскликнул: «Как это могло случиться, что нам об этом не было ничего известно?»

Архивы ГДР, которые теперь оказались общедоступными, свидетельствуют о том, что Вальтер Ульбрихт рассматривал стену лишь как промежуточный шаг на пути к мирному договору и решению проблемы Западного Берлина в пользу ГДР. Постоянно в течение всего того периода Москва вынуждена была удерживать восточногерманское руководство от шагов, которые могли из искры раздуть настоящий пожар.

Для Хрущева возведение стены означало формальное разрешение берлинского кризиса и молчаливое признание того, что ему

не удалось достичь своей основной цели — заставить западные державы пойти на выгодный для ГДР компромисс. Любопытно, что Кеннеди дал этой истории такую же оценку: «К чему Хрущеву возводить стену, если бы он намеревался захватить Западный Берлин? Стена была бы излишней, если бы он оккупировал весь город. Это для него выход из затруднительного положения, в котором он оказался. Это не очень приятное решение, но стена все же гораздо лучше, чем война».

Разумеется, американская администрация не преминула поиграть на публику, демонстрируя жителям Западного Берлина и общественному мнению Федеративной республики, что они могут целиком рассчитывать на поддержку США. Использовалась стена на все сто процентов и в качестве пропаганды против Советского Союза. Сначала в Берлин был направлен вице-президент Линдон Джонсон, а позднее отправился туда сам президент, провозгласивший перед охваченными энтузиазмом сотысячными толпами знаменитую фразу: «Ich bin ein Berliner»¹⁵.

Разумеется, что и в дальнейшем возникали трудности на подъездных путях к городу, происходил обмен дипломатическими нотами, публиковались жесткие заявления с обеих сторон, но так или иначе, это были утихающие волны после бури, хотя случались инциденты, которые, возникни они в предыдущий, кризисный, период, могли бы привести к трагическим последствиям.

Особенно острой была конфронтация в конце октября 1961 года у проходного пункта, который американцы называли Чекпойнт Чарли¹⁶. После того как восточногерманские пограничники стали задерживать некоторых западных граждан, направлявшихся в Восточный Берлин, генерал Люшиус Клей приказал, чтобы три бронетранспортера и десять американских танков заняли позиции у разграничительной линии. Вскоре после этого десять советских танков выстроились напротив. И так они продолжали стоять друг против друга в течение нескольких дней. Этот инцидент очень четко зафиксировался в моей памяти, поскольку он произошел во время XXII съезда КПСС¹⁷. Маршал Иван Конев, который в то время командовал советскими оккупационными войсками в Германии, постоянно докладывал Хрущеву о ситуации, причем в его голосе временами звучали очень тревожные ноты. Хрущев время от времени покидал президиум съезда и уходил в небольшой кабинет за кулисами, где просматривал различные материалы. Никакого особого беспокойства я у него не замечал, создавалось впечатление, что он не придавал большого значения этому инциденту. После двух-трех дней такого противостояния создалось своего рода патовое положение. Американцы, по-видимому, не могли

решить, что делать дальше, опасаясь, что если они отведут свои танки и бронетранспортеры первыми, то их обвинят в малодушии. Поэтому Хрущев, как он выразился, решил помочь им и дал указание отвести наши танки. И действительно, как только это произошло, американцы последовали нашему примеру — их танки и бронетранспортеры также отошли.

Но не успела окончательно утихнуть буря в Берлине, как на политическом горизонте проступили очертания еще одного кризиса, самого зловещего и опасного из всех, возникавших за весь период «холодной войны». У нас его называли Карибским кризисом, на западе — Кубинским, а на самой Кубе — Октябрьским.

В свое время, в разгар «холодной войны» Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес высказал афоризм, суть которого в том, что для успеха внешней политики надо не бояться подойти к самому краю бездны и заглянуть в нее. Отсюда в английский язык даже вошло слово «brinkmanship», что означает искусство ходить по краю. Но когда в том памятном октябре 1962 года политические лидеры СССР и США по-настоящему заглянули в бездну, они в ужасе отшатнулись.

Идея разместить на Кубе советские баллистические ракеты с ядерными боеголовками с самого начала держалась в строгом секрете. И хотя я был в курсе более или менее всех наших внешнеполитических дел, об этом намерении я узнал далеко не сразу. Помню, где-то в конце мая мне позвонил со Старой площади мой коллега В. С. Лебедев и сказал: «Олег Александрович, если вы стоите, лучше вам сесть, потому что то, что вы сейчас услышите, ошеломит вас». И после небольшой паузы добавил: «Обсуждается вопрос о размещении наших баллистических ракет на Кубе». Я действительно был ошеломлен. Тем, кто сочувствовал поиску путей разрядки международной напряженности, такое могло приниться только в кошмарном сне.

Как впоследствии выяснилось, идея разместить ракеты на Кубе принадлежала самому Хрущеву. По словам Громыко, Хрущев впервые заговорил об этом в последней декаде мая. К тому времени, когда мне позвонил Лебедев, эта идея уже получила одобрение членов Президиума ЦК. Вскоре должна была состояться поездка на Кубу делегации в составе тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Рашидова, маршала Бирюзова и нового посла СССР на Кубе Алексеева для согласования вопроса с кубинским руководством.

Естественно, возникает вопрос: что побудило советского лидера пойти на столь рискованный шаг? Считается, что главным побудительным мотивом было стремление предотвратить новое,

после провалившейся высадки в заливе Кочинос в 1961 году, нападение на Кубу. Сам Хрущев в своих воспоминаниях изображал это как, по сути, единственную причину предпринятого Советским Союзом шага. Надо сказать, что в то время действительно поступало много официальной и неофициальной информации о том, что в Вашингтоне зреют планы повторной агрессии для свержения установившегося на Кубе революционного режима.

Люди, имевшие прямое касательство к определению американской политики того периода, вроде Роберта Макнамары, теперь отрицают, что такие намерения существовали. Тем не менее у советского руководства были основания полагать, что над Кубой нависла серьезная угроза. К тому же было известно, что американцы вынашивают планы и физического устранения Фиделя Кастро, причем ЦРУ не гнушалось в этих целях контактов с мафией.

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что защита Кубы была действительно одной из главных причин размещения на острове ракет с ядерными боеголовками. Думаю, что над Хрущевым постоянно довлело опасение, как бы США и их союзники не вынудили СССР и его друзей отступить в каком-нибудь пункте земного шара. Он не без оснований считал, что ответственность за это падет на него. Не раз он вспоминал слова, сказанные Сталиным незадолго до смерти: «Когда меня не будет, вас передуют, как котят». В последние годы это чувство обострилось под влиянием постоянных нападков Пекина, обвинявшего советского лидера в капитулянтстве перед империализмом. Поэтому его беспокойство за судьбу Кубы имело под собой серьезную почву.

Но было и другое. Хрущев усмотрел возможность, разместив ракеты в непосредственной близости к США, скорректировать в пользу Советского Союза соотношение сил в области ракетно-ядерного оружия, где большой перевес в то время был на стороне Соединенных Штатов. А поскольку обе державы пребывали во власти психологии, а точнее, психоза «холодной войны», это американское преимущество в глазах многих представлялось серьезной угрозой для безопасности нашей страны. Могу сослаться на состоявшуюся в тот период беседу между Хрущевым и Андроповым, на которой мне случилось присутствовать. Юрий Андропов был тогда секретарем ЦК КПСС и курировал проблематику социалистических стран. Поэтому все, что касалось Кубы, входило в круг его ведения. В данном случае речь шла о предстоящей установке на острове советских ракет. Андропов сказал в этой связи: «Тогда мы сможем держать под прицелом мягкое подбрюшье американцев».

Мне хорошо запомнились эти слова, потому что они перекликались с высказыванием Черчилля во время войны, когда он

настаивал на наступлении западных союзников через Балканы, назвав это направление мягким подбрюшьем Германии. Да и Фидель Кастро утверждал, что кубинское руководство согласилось на размещение ракет, исходя из стратегических соображений, относящихся ко всему социалистическому лагерю. Что касается непосредственно защиты Кубы, то, как заявлял Кастро, он и его товарищи считали, что это дело самого кубинского народа. Об этом он говорил и на советско-американско-кубинской встрече в Гаване 9–12 января 1992 года, посвященной тридцатой годовщине Карибского кризиса.

Некоторые исследователи на Западе утверждают, будто предложение Хрущева вызвало несогласие у членов Президиума ЦК КПСС. Это не соответствует действительности, за исключением определенных предостережений и сомнений, высказанных А. И. Микояном и, кажется, А. А. Громыко, никто, насколько мне известно, не решился возражать против плана Хрущева, хотя он не торопил своих коллег, давая им время подумать и посоветоваться¹⁸. Впрочем, впоследствии, после смещения Хрущева, было много разговоров о его авантюризме и о том, что он вовлек страну в ситуацию, которая закончилась для нее унижительным финалом.

Для меня лично авантюризм с ракетами был очевиден с самого начала. Я знал хорошо две вещи: во-первых, то, что американцы с размещением советских ракет на Кубе никогда не примирятся и в своей решимости не допустить этого способны будут пойти на крайние меры. И во-вторых, что военный конфликт в планы Хрущева не входит, а потому в критический момент ему придется отступить. Такого же мнения были и мои коллеги по секретариату Шуйский и Лебедев. Мы серьезно обсуждали это дело и даже думали поговорить со своим шефом. Однако к согласию на этот счет не пришли. Помню, Лебедев сказал тогда, что Никите Сергеевичу очень дорого это, пожалуй, самое серьезное в его жизни внешнеполитическое решение и отговаривать его бесполезно, он не уступит. Так же как не уступил, когда многие советовали ему не выступать с критикой Сталина на XX съезде партии.

И все же я собрался с духом и, улучив момент, когда не было посторонних, высказал шефу свои доводы против размещения ракет. Этот разговор, состоявшийся где-то в самом начале июня, большой храбрости от меня не требовал, так как Никита Сергеевич, в отличие от ряда других высоких сановников, со своими непосредственными подчиненными был всегда корректен и свое дурное настроение на них не разряжал. Кроме того, у меня с ним установились хорошие отношения — он мне доверял и я, со своей стороны, никогда этим не злоупотреблял.

И в данном случае он выслушал мои доводы вполне спокойно и в ответ лишь сказал, что не видит, почему мы должны воздерживаться от действий, не идущих дальше тех, которые предприняли сами американцы, окружив Советский Союз ядерным оружием фактически по всему его периметру. Он добавил, что они теперь утратили право ссылаться даже на доктрину Монро¹⁹, поскольку США сами уже давно нарушили эту доктрину, ведь она предусматривает не только невмешательство европейских держав в дела западного полушария, но и отказ США вмешиваться в европейские дела.

Против такой аргументации трудно было возразить, потому что она была совершенно справедлива, во всяком случае теоретически. Хотя совершенно не учитывала реальные настроения в США и возможную американскую реакцию. Однако я не стал продолжать этот разговор. Откровенно говоря, я затеял его даже не в расчете переубедить своего начальника, а скорее для успокоения собственной совести.

Между тем в течение всего лета 1962 года продолжались активные приготовления к транспортировке и установке ракет на Кубе. Причем масштабы этой операции постепенно разрастались, ракеты требовали охраны не только с земли, но и с воздуха, и с моря. В конечном итоге операция вылилась в переброску на Кубу примерно 45 тысяч военнослужащих и большого количества техники, в том числе тактических ракет с ядерными боеголовками, зенитных ракет и самолетов. А это, в свою очередь, потребовало задействовать множество транспортных судов, нашему Министерству морского флота пришлось снимать корабли даже с регулярных рейсов и фрахтовать на их место суда иностранных компаний.

Совершенно непонятно, как при таких колоссальных масштабах операции можно было всерьез рассчитывать на сохранение ее в тайне. А ведь успех полностью зависел именно от внезапности. Имелось в виду, что когда американцам станет известно о ракетах, то они уже будут стоять на месте, заряженные и направленные на США. И тогда нашим противникам ничего другого не останется, как смириться с неожиданно возникшей новой ситуацией.

Удивительно только, что американская разведка узнала об этом так поздно — фактически только в середине октября. В начале 90-х годов мне пришлось читать лекцию о Кубинском кризисе в Вашингтоне. Как потом выяснилось, добрая половина слушателей состояла из ветеранов американской разведки. После того как я закончил, некоторые из них подошли ко мне и стали оправдываться. Они говорили, что ЦРУ и военной разведке было известно о переброске на Кубу большого количества советского персонала

и вооружения. Но президент не верил в то, что там могут быть баллистические ракеты с ядерными боеголовками. Поэтому, мол, разведывательные органы не особенно тревожились по поводу этой стороны дела. Не очень убедительное объяснение.

У меня состоялся еще один краткий разговор с Хрущевым на тему о ракетах, уже незадолго до развязки — где-то в конце сентября. Получив очередную информацию от военных о ходе операции, Хрущев сказал (мы были вдвоем в его кабинете): «Скоро разразится буря». В ответ я заметил: «Как бы лодка не перевернулась, Никита Сергеевич». Хрущев немного задумался, а потом вымолвил: «Теперь уже поздно что-нибудь менять». У меня тогда сложилось впечатление, что к тому времени он осознал всю рискованность затеянной операции. Но думать о ее отмене действительно было уже поздно.

События развивались с роковой неизбежностью, словно в греческой трагедии. У меня было чувство, будто мы находимся в автомобиле, который потерял управление и, набирая скорость, мчится неизвестно куда. Признаюсь, эти мысли испортили мне весь летний отпуск, часть которого я провел в ГДР. Тем более что нельзя было с кем-либо поделиться своими тревогами! Один октябрьский день сменялся другим, и по различным признакам становилось все более очевидным, что в Вашингтоне нарастало беспокойство — можно было предположить, что тайное становилось там явным.

Наконец наступило 22 октября, и стали поступать сообщения, что в этот день состоится выступление президента Кеннеди по какому-то весьма важному вопросу. Не вызывало сомнения, что это был за вопрос. Хрущев назначил заседание Президиума ЦК КПСС на поздний вечер. Как обычно, это было в Кремле, в зале, который находился через две комнаты от кабинета Председателя Совета Министров СССР. Помимо членов Президиума, в заседании участвовали кандидаты в члены Президиума и секретари ЦК, а также некоторые начальники из силовых ведомств. Поскольку Громыко все еще находился на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, МИД СССР временно возглавлял первый заместитель министра В. В. Кузнецов, который тоже присутствовал на заседании.

Примерно за час до того, как Кеннеди начал свое выступление, советник-посланник посольства США в Москве Ричард Дэвис передал в Министерство иностранных дел текст послания президента Хрущеву на английском языке. Работники МИДа продиктовали мне текст послания по телефону еще до того, как он был переведен, и я по своим заметкам изложил его участникам заседания.

Несколько позже был получен текст самого выступления Кеннеди, которое я перевел уже с листа.

Помнится, что первое ознакомление Хрущева и других с содержанием выступления президента вызвало скорее облегчение, чем тревогу. Морская блокада Кубы, которую решило объявить американское руководство, поначалу была воспринята как нечто неопределенное.

Тем более что президент назвал блокаду карантином, а это создавало иллюзию еще большей неопределенности. Во всяком случае, речь как будто не шла об ультиматуме или прямой угрозе удара по Кубе. Хрущев даже воскликнул тогда: «Ну что ж, видимо, можно считать, что мы спасли Кубу!» Не ясно, на чем основывался этот преждевременный вывод. Более вдумчивый подход должен был подсказать, что обнаружение строительства ракетных баз еще до того, как ракеты были установлены, заряжены и нацелены, с самого начала ставило советско-кубинскую сторону в невыгодное положение.

При еще более дотошном анализе ситуации, уже тогда можно было прийти к выводу, что советское руководство, в конечном итоге, будет вынуждено отказаться от размещения на Кубе ядерных ракет и дело сведется к тому, что именно удастся выторговать взамен. Конечно, легко судить задним числом. Тогда же на высочайшем нервном накале многие важные нюансы просто исчезали.

На заседании Президиума ЦК, уже практически ночью, Хрущев сформулировал основные положения ответа на выступление Кеннеди, которые должны были принять форму заявления советского правительства. МИДу поручили представить на следующий день окончательный вариант. Помнится, в конце заседания Хрущев рекомендовал участникам не разъезжаться по домам, а переночевать в своих кабинетах, чтобы у иностранных корреспондентов, которые, безусловно, следят за реакцией Москвы на выступление Кеннеди, не сложилось впечатление о ночных бдениях советских руководителей. Думаю, что эта рекомендация мало чего дала, так как у доброй половины участников заседания вообще не было кабинетов в Кремле. Сам Хрущев провел ту ночь на диване в небольшой комнате отдыха рядом со своим кабинетом. Я кое-как поспал на сдвинутых креслах у себя в кабинете. Вечером следующего дня Хрущев с несколькими членами Президиума посетил Большой театр, давали «Бориса Годунова» с американским певцом в главной роли²⁰. Это тоже должно было продемонстрировать, что в Кремле все спокойно.

На следующий день послание Хрущева Кеннеди, подготовленное работниками МИДа на основе его надиктовки, было утверж-

дено на заседании Президиума и передано в печать. Оно было составлено в весьма резких выражениях и начисто отвергало все требования американского президента.

Была также опубликована информация о том, что главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора маршал А. А. Гречко 23 октября созвал представителей армий-участниц пакта и дал указание провести ряд мер по повышению боевой готовности войск, входящих в состав Объединенных вооруженных сил. Можно себе представить, какую реакцию все это вызвало у руководителей и общественности соответствующих государств, когда они задним числом узнали, что их страны без согласования с ними оказались втянутыми в конфликтную ситуацию, грозившую не больше не меньше как ядерной войной. Впрочем, в те времена подобные экспромты Большого брата не выглядели чем-то экстраординарным.

В последующие дни продолжался почти ежедневный обмен посланиями между Хрущевым и Кеннеди. Причем восьмичасовая разница во времени создавала определенные удобства для обеих сторон: пока в Москве спали, в Вашингтоне сочиняли очередное послание, и наоборот. Основой для большинства посланий служили задиктовки Хрущева. Он диктовал их стенографистке прямо на заседании Президиума ЦК или в присутствии своих помощников, а иногда и кое-кого из работников ЦК или МИДа. Бывало, что присутствовали также главные редакторы «Правды» и «Известий» Павел Сатюков и Алексей Аджубей.

После соответствующей обработки тексты утверждались на заседании Президиума или путем рассылки членам Президиума. Как правило, если какие-то поправки и предлагались, то они были минимальными. Эти надиктовки, достаточно точно передававшие мысль автора, были весьма сырыми по форме и потому требовали серьезной обработки. Впрочем, те, кто над ними обычно работали, набили себе руку настолько, что я не помню ни одного случая, когда Никита Сергеевич остался бы недоволен конечным результатом.

В течение той тревожной недели обстановка постепенно все больше накалялась. И несмотря на сохранявшийся резкий тон наших посланий, стало все более явно проявляться стремление Хрущева найти какой-то выход из создавшегося положения.

Запомнился его разговор с Кузнецовым, который выдвинул, правда в осторожной форме, предложение противопоставить американскому нажиму на СССР на кубинском направлении давление на Западный Берлин. Хотя Кузнецов и не уточнял, какой вид давления он имеет в виду, тем не менее это вызвало резкую, я бы даже сказал, бурную реакцию Хрущева. Он в повышенных

тонах заявил, что обойдется без такого рода советов: «Мы только начинаем выпутываться из одной авантюры, а вы предлагаете нам влезть в другую».

Важный момент наступил в среду 24 октября. Советские суда, подошедшие к линии «карантина» и оказавшиеся перед лицом военных кораблей США, остановились по приказу из Москвы, а часть из них даже повернула обратно. Это воспринималось как сигнал, что Советский Союз не намерен идти на конфронтацию с Соединенными Штатами. К тому же нельзя было допустить, чтобы военная техника, которая находилась на некоторых судах, попала в руки американцев.

Несколько изменилось и содержание посланий Хрущева Кеннеди. В них все отчетливее проскальзывали намеки на возможность политического выхода из создавшегося положения. В послании от 26 октября говорилось, что если правительство США заявит, что оно не станет нападать на Кубу и будет удерживать других от таких действий, а американский флот снимет блокаду, то это изменит ситуацию. В таких условиях Советский Союз, со своей стороны, будет готов дать заверение, что советские суда не будут доставлять на Кубу какое-либо оружие. В послании было также сказано, что в этом случае отпадет необходимость пребывания советских военных специалистов на Кубе.

Хотя в Белом доме это предложение было воспринято как недостаточное, поскольку оно прямо не предусматривало вывод советских ракет с Кубы, по мнению Кеннеди и его окружения, оно открывало возможность для серьезного разговора о политическом урегулировании: кризиса.

Между тем не успели американцы сформулировать свой ответ, как в субботу 27 октября московское радио передало новое послание Хрущева, в котором его предыдущие соображения о путях выхода из кризиса были, с одной стороны, конкретизированы, а с другой — в них был включен новый элемент — упоминание о базах США в Турции. Было заявлено, что Советский Союз готов вывести свои ракеты с Кубы (точнее говоря, было сказано о выводе «того оружия, которое Вы рассматриваете как наступательное»), а Соединенные Штаты заявят о выводе аналогичного оружия из Турции. Причем и то и другое должно осуществляться под контролем представителей ООН. Со своей стороны, США и СССР дадут обязательство о ненападении соответственно на Кубу и Турцию.

В Белом доме это новое послание восприняли с большим раздражением, американское руководство к тому времени уже решило для себя, что следует убрать ракеты «Юпитер» из Турции ввиду их устарелости. Тем не менее оно считало неприемлемым

публично вести переговоры с Советским Союзом по вопросу, затрагивающему интересы своего союзника.

Неожиданное появление второго послания Хрущева объяснялось рядом причин. Советское руководство понимало, что его предложение от 26 октября не удовлетворит Соединенные Штаты, оно и было выдвинуто в расчете на дальнейший торг. Однако сгущавшаяся обстановка не оставляла времени для дальнейшего торга, надо было срочно выдвигать предложение, приемлемое для американцев, — вывод ракет в обмен на обязательство не нападать на Кубу.

Вместе с тем достигнутая договоренность выглядела бы менее болезненно для Советского Союза, если бы в нее был включен пункт о выводе американских ракет из Турции, а из американских источников поступали сигналы о возможности договориться на такой основе. Среди прочих эту идею высказал известный комментатор Уолтер Липпман в статье, опубликованной 25 октября. С учетом всего этого и было решено направить в Вашингтон еще одно послание, а для быстроты — сразу передать его по радио. Но при этом никому не пришло в голову, что придание гласности турецкого аспекта сделки создаст дополнительные трудности для Белого дома.

К субботе, 27 октября, напряжение в обеих столицах приблизилось к точке взрыва. «Напряжение стало невыносимым», — вспоминала впоследствии Эвелин Линкольн, секретарь Кеннеди. Из нашего посольства в Вашингтоне, со ссылками на высказывания американских корреспондентов и даже — на бармена пресс-клуба, стали поступать сообщения о том, что Кеннеди якобы уже принял принципиальное решение о прямом вторжении на Кубу.

Вдобавок ко всему в этот же день, 27 октября, над Кубой был сбит американский разведывательный самолет У-2. Хрущева не на шутку встревожило сообщение о том, что зенитную ракету выпустили по приказу советского командира среднего ранга. Он, да и все мы, особенно остро осознали, что в создавшейся ситуации, когда нервы натянуты до предела, одна искра может вызвать взрыв.

Сбитым самолетом этот день не кончился. В начале ночи поступила телеграмма от нашего посла в Гаване с текстом послания Фиделя Кастро советскому лидеру. Телеграмму эту получил я, так как последние ночи проводил в здании ЦК рядом с кабинетом Генерального секретаря ЦК, куда все сообщения поступали в первую очередь. Я позвонил Хрущеву домой и зачитал текст послания. Он несколько раз останавливал меня и просил повторить некоторые места. Хрущева больше всего встревожила уверенность Кастро

в том, что в ближайшие трое суток американцы нанесут по Кубе удар с воздуха или решатся на прямое вторжение, что кубинский лидер считал менее вероятным.

На следующее утро, в воскресенье 28 октября, было назначено заседание Президиума ЦК КПСС, которое состоялось под Москвой в государственном особняке в Ново-Огареве. Помимо членов и кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК присутствовали Громыко, кажется, Смирновский, который тогда ведал отделом США в МИДе, министр обороны маршал Малиновский, секретарь Совета Оборона генерал армии Иванов и еще кто-то из военных.

Участники совещания с самого начала находились в состоянии достаточно высокой наэлектризованности. Высказывался, практически, один Хрущев, отдельные реплики подавали Микоян и Громыко. Другие предпочитали помалкивать, как бы давая понять: сам нас втянул в эту историю, сам теперь и расхлебывай.

К началу заседания пришло новое послание от Кеннеди, в котором предлагалось решение на следующей основе: СССР вывозит с Кубы все виды оружия, «которые могут быть использованы в наступательных целях», в ответ президент отменит карантин и даст обязательство не нападать на остров. Далее говорилось о готовности обсудить возможность разрядки между НАТО и Варшавским пактом. Это было воспринято как намек на вывоз американских ракет из Турции, поскольку незадолго до того брат президента Роберт Кеннеди в беседе с послом Добрыниным дал понять, что это можно будет сделать через несколько месяцев, но в отрыве от Кубинского кризиса. Другими словами, это не должно было выглядеть как часть общей сделки.

Во время заседания меня вызвали к телефону, звонил старший помощник министра иностранных дел Владимир Сулов, который сказал, что пришла шифровка от Добрынина о новой беседе с Робертом Кеннеди. Сулов продиктовал мне ее содержание по телефону. Хотя слова младшего Кеннеди нельзя было назвать ультиматумом в прямом смысле, тем не менее он четко давал понять, что правительство США полно решимости избавиться от ракетных баз — вплоть до нанесения по ним бомбового удара. Президент, по его словам, дольше ждать не может. Было также сказано, что промедление с поиском выхода чревато большим риском. В Вашингтоне много неразумных голов среди генералов, да и не только среди них, которые рвутся в бой. Ситуация может выйти из-под контроля. А потому, по словам Роберта Кеннеди, президент просит прекратить словесную дискуссию и дать ясный ответ в течение завтрашнего дня. И хотя в заключение он заявил, что это именно просьба, а не какой-то ультимативный срок, тем

не менее весь тон высказываний брата президента в передаче Добрынина наводил на мысль, что «час расплаты» наступил.

Я вернулся в зал заседания и по своим заметкам зачитал сообщение Добрынина. Меня попросили повторить его еще раз. После чего собравшиеся довольно быстро пришли к согласию о том, что условия президента Кеннеди следует принять. В конечном счете и мы, и Куба получают то, к чему мы стремились, — гарантию ненападения на остров.

В этот момент к телефону неожиданно вызвали секретаря Совета Оборона СССР генерала Иванова, полного и несколько неповоротливого человека. Вернувшись, он попросил слова и заявил, что получено срочное сообщение из США: там объявлено, что в 17.00 по московскому времени состоится новое выступление президента Кеннеди. Уже потом выяснилось, что речь шла о повторной передаче выступления президента от 22 октября. Но это было потом, а в тот момент участники заседания поверили в худшее, решили, что Кеннеди объявит о нападении на Кубу или — что выглядело более вероятным — о бомбовом ударе по ракетным установкам. Тут же постановили срочно составить ответное послание в Вашингтон с согласием принять последнее предложение американского президента и передать его по радио еще до предполагаемого выступления Кеннеди и, таким образом, предотвратить его возможные действия.

Хрущев, как обычно, надиктовал основную часть послания. Я не помню сейчас, кто отшлифовывал его или, как мы тогда говорили, доводил до кондиции. Скорее всего, это были работники МИДа. Время поджимало. Утвержденное послание вручили Леониду Ильичеву, секретарю ЦК по идеологии, под началом которого находились все средства массовой информации. Ему было поручено лично доставить текст послания в Радиокomitee и обеспечить передачу его не позже пяти часов вечера.

Ильичев рассказывал, что он мчался на полной скорости, нарушая все правила уличного движения и рискуя сломать себе шею, не достигнув цели. Но все обошлось: в 17.00 по московскому времени или в 9.00 по вашингтонскому диктор московского радио начал читать текст послания Хрущева Кеннеди.

Незадолго до этого была составлена и отправлена телеграмма Добрынину с указанием немедленно сообщить Роберту Кеннеди, что соображения, которые он высказал по поручению президента, находят понимание в Москве. И что по радио будет дан положительный ответ на послание от 27 октября. Было подчеркнуто, что главное условие, которое беспокоит президента — демонтаж ракетных баз, — не встречает возражений.

В Белом доме достигнутая договоренность была воспринята как крупная победа. И не без оснований. Рассказывают, будто в этот день, 28 октября, Джон Кеннеди вспомнил, что президент Линкольн был убит в театре вскоре после крупнейшей победы в его жизни. И сказал своему брату: «Сегодня вечером мне бы тоже следовало пойти в театр». Высказывая эту мрачную шутку, он, конечно, не предполагал, что для него роковой день наступит год спустя.

О Кубинском кризисе мы вспоминали на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Хрущева, которая была организована в Соединенных Штатах в декабре 1994 года. Об интересной детали того времени нам поведал бывший помощник Кеннеди по вопросам печати и информации Пьер Салинджер. Он рассказал, что по окончании кризиса его вызвал президент и поручил связаться с главными редакторами основных американских газет с тем, чтобы порекомендовать им изображать происшедшее не как победу США, а как выход из кризисной ситуации в результате усилий обеих сторон. Безусловно, это было проявлением государственной мудрости. Однако в Америке даже рекомендации президентов не являются указом для руководителей газет и телевидения. И в этом случае американские средства массовой информации дали собственную интерпретацию исходу кризиса, изобразив его как безусловную победу Соединенных Штатов. И, пожалуй, это было близко к истине.

В Советском Союзе тревожные настроения из-за угрозы ядерной войны не достигли таких масштабов, как в США, просто потому что наша общественность была в меньшей степени посвящена в курс событий. Что же касается информированных людей, то у них было такое чувство, будто гора свалилась с плеч.

В течение той судьбоносной недели с 22 по 28 октября 1962 года я потерял свыше двух килограммов веса. Когда я сказал об этом жене, она порекомендовала: «Если можно, то в следующий раз найди более безопасные способы худения».

Спешка, с которой было составлено и опубликовано послание Хрущева Кеннеди от 28 октября, имела ряд отрицательных последствий. Главное из них то, что решение эвакуировать ракеты и ликвидировать ракетные базы не было предварительно согласовано с кубинским руководством. Из-за недостатка времени пришлось ограничиться кратким посланием, отправленным Фиделю Кастро в тот же день — 28 октября, но, увы, уже после ответа Вашингтону.

Надо ли говорить, что кубинцы были глубоко оскорблены, и их можно было понять: вопросы, касавшиеся их суверенных прав, решались между Москвой и Вашингтоном без их ведома. Чтобы

сгладить конфликт, в Гавану был направлен Микоян. Я присутствовал на заседании Президиума ЦК, когда Микоян вернулся и докладывал о результатах поездки. Хрущев тогда дал самую высокую оценку его дипломатическим способностям. То, что было сделано, чтобы восстановить доверие между двумя странами, сказал он, мог сделать только Анастас Иванович. И это можно назвать подвигом, поскольку во время пребывания Микояна в Гаване умерла его любимая жена Ашкен, к которой он был искренне привязан. Для него стоило больших усилий решить, как быть — возвращаться в Москву на похороны или остаться на Кубе, чтобы завершить возложенную на него миссию. Из чувства долга он избрал последнее. Так или иначе, весь этот эпизод переговоров с Соединенными Штатами через голову кубинцев оставил горький осадок.

Еще один серьезный просчет заключался в том, что в своих посланиях, как я уже говорил, Кеннеди все время вел речь о «наступательном оружии», не называя конкретно ракет с ядерными боеголовками, и потому, когда Хрущев в своем послании от 28 октября заявил о готовности вывести из Кубы «оружие, которое Вы характеризуете как наступательное», американцы начали требовать вывода не только ракет, но и некоторой другой военной техники. Серьезные споры возникли вокруг бомбардировщиков Ил-28, которые в конечном итоге также пришлось эвакуировать.

Разумеется, в этих заметках описано то, что, на мой взгляд, было самым существенным во время Карибского кризиса. Я обошел стороной некоторые побочные, хотя и важные моменты, такие, например, как роль Генерального секретаря ООН У Тана, и другие.

Хочу только добавить еще вот что: на «круглом столе» по Кубинскому кризису, проведенном в Москве в 1989 году, Громыко утверждал, что во время кризиса прямой угрозы термоядерной войны не было, что Хрущев заранее взвесил все позитивные и негативные варианты и оценил их правильно. С этим не могу согласиться. Во-первых, даже если исходить из того, что ни советское, ни американское правительства не хотели ядерной войны, даже в этом случае они могли оказаться втянутыми в нее помимо собственной воли из-за какой-нибудь случайности или несчастного случая. А эпизод со сбитым над Кубой самолетом У-2 подтверждает, что непредвиденные обстоятельства могли возникнуть. Во-вторых, Хрущев никак не мог предусмотреть все возможные варианты. Начать с того, что он даже недооценил масштабы американской ответной реакции на размещение ракет. А что, если бы в ответ Кеннеди не объявил «карантин», а сразу приказал нанести бомбовый удар по ракетным базам на территории Кубы? Мог ли в этом случае Советский Союз ограничиться

словесными протестами? Думаю, что вряд ли. Даже при том, в общем, благополучном исходе, благодаря которому мы вышли из кризиса не с пустыми руками, даже в этом случае Хрущев впоследствии подвергся критике если не публично, то закулисно, за «капитуляцию перед империалистами».

Важнее другое: когда колесо закрутилось и в воздухе запахло порохом, оба лидера проявили мудрость и выдержку. Они не стремились загнать противника в угол, наоборот, оставляли друг другу путь узкий, но все же выход из положения. В конечном итоге, если попытаться вынести за скобки огромный риск, с которым все это было связано, то получится, что результат для советско-кубинской стороны был не таким уж плохим. От США было получено обязательство не нападать на Кубу. И это обязательство, несмотря на многочисленные попытки свергнуть режим Кастро путем различных диверсий экономического нажима, все же остается в силе по сей день.

И в заключение хочу добавить, что Кубинский кризис имел огромное воспитательное значение для обеих сторон и обоих лидеров. Он, пожалуй, впервые дал почувствовать не в теории и не в ходе пропагандистской полемики, а на практике, что угроза ядерной войны и ядерного уничтожения — это реальная вещь, а следовательно, надо всерьез, а не на словах искать пути к мирному сосуществованию.

Это в полной мере относится к Хрущеву. После этого кризиса его взгляд на мир, на отношения с западными странами заметно изменился. Отошла на задний план та задиристость, которая характеризовала его поведение во время Берлинского кризиса и истории с У-2. Свою роль сыграло и то, что Хрущев стал иными глазами смотреть на Кеннеди. Некоторый скептицизм в отношении волевых и интеллектуальных качеств американского президента, который он испытывал после встречи с ним в Вене в предыдущем году, полностью испарился.

Отрезок времени, оставшийся до убийства Кеннеди и смещения Хрущева, был отмечен ощутимым продвижением вперед в советско-американских отношениях. 10 июня 1963 года Кеннеди произнес свою известную речь в Американском университете в Вашингтоне. Многие считают, что это была лучшая речь за всю его политическую карьеру. Президент говорил о катастрофических последствиях ядерной войны, о необходимости пересмотреть отношение США к Советскому Союзу, который пострадал от войны больше, чем какой-либо другой государственный союз. Он подчеркивал большие достижения СССР в различных областях искусства и человеческих знаний. В речи содержался четкий призыв к поиску путей прекращения «холодной войны». Это выступление произвело большое впечатле-

ние в нашей стране. В секретариат Хрущева обратились некоторые ученые, работники Министерства иностранных дел, журналисты. Лейтмотив этих обращений был примерно один и тот же: надо, чтобы Никита Сергеевич поддержал новую тональность, прежде отсутствовавшую в выступлениях президентов США. Со своей стороны, мы, работники секретариата Хрущева, тоже обратили внимание своего шефа на конструктивный характер выступления Кеннеди. Впрочем, Хрущев и сам достаточно хорошо это понимал.

В последующий период Восток и Запад предприняли ряд шагов навстречу друг другу. 20 июня в Женеве было подписано соглашение об установлении специальной радиотелефонной связи между Кремлем и Белым домом. 5 августа впервые после многих лет «холодной войны» в Москве было заключено важное соглашение о прекращении ядерных испытаний в трех сферах, положившее начало процессу торможения гонки вооружений. Имели место и некоторые другие, пусть символические, но все же заметные политические шаги, которые тоже вели к некоторому улучшению атмосферы. К ним относится и публикация в «Известиях» полного текста интервью главного редактора Алексея Аджубея с Кеннеди²¹. Некоторые у нас ворчали по поводу того, что аргументация президента выглядела более убедительно, чем доводы главного редактора. Но мне казалось, что если уж газета (а в данном случае, разумеется, было принято соответствующее решение ЦК) идет на такой шаг, как интервью с главой государства, то надо дать последнему возможность высказаться в полном объеме.

И хотя еще долго оставались неурегулированными крупнейшие послевоенные проблемы, прежде всего германская, в отношениях между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов появились и постепенно стали набирать силу ростки доверия. Создавалось впечатление, что приоткрылось окно в будущее. К сожалению, оно вскоре захлопнулось в результате последующих драматических событий.

Смена лидеров

*Смерть президента — Письмо Жаклин Кеннеди —
Закат Хрущева — Моя новая должность — Косыгин —
Ташкентская декларация — Встреча в Лондоне —
Досадный казус — Неожиданное предложение*

В Соединенных Штатах говорят, что каждый американец хорошо помнит, где он находился, когда его настигла весть об убийстве Кеннеди. Думаю, что это можно сказать и о многих русских.

Я, во всяком случае, хорошо помню, что в тот день, 22 ноября 1963 года, я до позднего часа задержался на работе и узнал о случившемся, находясь в своем кабинете в Кремле. Некоторые авторы утверждают, что Хрущев был в этот момент в Киеве и, изменив свои планы, срочно отправился ночным поездом в Москву, чтобы быть в столице на случай, если смерть американского президента вызовет какие-нибудь непредсказуемые политические последствия. На самом деле он находился у себя на даче под Москвой, и ему стало известно о выстрелах в Далласе из звонка Громыко.

При этом произошло небольшое недоразумение. Министру было поручено перепроверить через посла правильность сообщений о смерти Кеннеди. Громыко решил, что речь идет о нашем после в Вашингтоне и направил туда запрос. Хрущев же имел в виду посла США в Москве и примерно через час поинтересовался результатами запроса. Только тогда недоразумение прояснилось, но к тому времени по другим каналам поступили подтверждения о покушении на президента.

На следующее утро министр иностранных дел и один из его заместителей, Семенов, прибыли в Кремль с проектами соборознований от Хрущева, адресованных новому президенту Линдону Джонсону и вдове Жаклин Кеннеди. Все мы ждали в приемной приезда Никиты Сергеевича. Нам сообщили, что он решил захватить к врачу. Тем временем продолжали поступать сообщения информационных агентств о реакции на убийство в Соединенных Штатах в других странах, об обстоятельствах ареста Ли Харвей Освальда, подозреваемого в убийстве, и, наконец, информация, что Освальд пару лет прожил в Минске и что у него русская жена²². От этого последнего сообщения у меня пошли мурашки по телу. Было видно, что и Громыко, который умел хорошо скрывать свои эмоции даже в экстремальных ситуациях, не мог оставаться бесстрастным. Конечно, невозможно было представить себе какое-либо даже отдаленное участие советских спецслужб в покушении на президента США. Но нельзя было исключить, что пребывание Освальда в Советском Союзе будет использовано в провокационных целях против интересов Советского Союза.

Чтобы подготовиться к возможным вопросам Хрущева, я позвонил председателю КГБ Владимиру Семичастному и поинтересовался, какими сведениями его ведомство располагает об Освальде. Казалось, что Семичастный ожидал этот вопрос. Он сразу же ответил, что читал сообщения об аресте Освальда и уже дал поручение собрать о нем сведения. Вскоре он позвонил мне и заявил, что, по имеющейся у него информации, КГБ никогда не имело никаких контактов с Освальдом. На всякий случай я сказал, что

эта информация нужна не для моего личного сведения, а для доклада Никите Сергеевичу, и выразил надежду, что Семичастный тоже это понимает. Он ответил, что это само собой разумеется.

Вскоре приехал Хрущев, который выглядел уставшим и несколько взволнованным. Один из его первых вопросов, естественно, касался Освальда и его возможной роли в убийстве президента. Я доложил то, что мне было известно, и это, как показалось, несколько успокоило его. Потом были утверждены тексты соболезнований и определено время, когда Хрущев и Громыко посетят посольство США, чтобы сделать запись в траурной книге. Несколько больше времени занял вопрос о том, кого направить в Вашингтон на похороны. Упоминался и вариант о поездке туда Хрущева. Однако решили, что более подходящим будет участие в прощальной церемонии Анастаса Ивановича Микояна, который в то время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР и, следовательно, формально считался главой государства.

Последнюю точку в истории взаимоотношений между Хрущевым и Кеннеди — поставила вдова президента. Через несколько дней после похорон от нее пришло письмо на имя советского руководителя, где говорилось, что в одну из последних ночей, которые она проводит в Белом доме, и в одном из последних писем, которые она пишет там, она обращается к Никите Хрущеву, потому что знает, как много ее муж думал о сохранении мира и как высоко ценил он отношения с советским руководителем. Далее в письме говорилось: «В некоторых своих выступлениях он повторял Ваши слова: "После следующей войны те, кто останутся в живых, будут завидовать погибшим". Вы и он были противниками, но вы были и союзниками в решимости не допустить взрыва, который уничтожит весь мир. Вы уважали друг друга и могли сотрудничать друг с другом».

Заканчивалось письмо следующими словами: «Я посылаю это письмо, потому что мне хорошо известно, какое большое значение имели отношения, существовавшие между Вами и моим мужем, а также потому, что Вы и госпожа Хрущева были так добры ко мне в Вене. Я читала, что у нее были слезы на глазах, когда она уходила из американского посольства в Москве после подписания траурной книги. Пожалуйста, поблагодарите ее за это».

На пост президента США вступил Линдон Джонсон. Недолго осталось руководить своей страной и Никите Сергеевичу, хотя заметных признаков близкой его отставки не наблюдалось. Не могу сказать, что у меня были какие-либо предчувствия приближающегося конфликта в руководстве страны. Скорее наоборот. Семидесятилетие Хрущева в апреле 1964 года прошло в торжествен-

ной обстановке в Георгиевском зале Кремля. Вечер вел Анастас Иванович Микоян. Один тост сменялся другим, произносились хвалебные речи, лился поток приторных слов. Казалось, что звезда советского лидера находится в зените. И все же при более тщательном анализе ситуации можно было обнаружить признаки заморозков, предвещавших конец эпохи «оттепели», как ее метко назвал Илья Эренбург.

В то время в Советском Союзе не проводились ставшие ныне модными опросы общественного мнения. Но не требовалось большой прозорливости, чтобы определить падение рейтинга Хрущева, он явно пошел вниз после взлета во второй половине 50-х годов. Общественная память имеет короткий срок. Довольно быстро люди стали забывать о тех многих хороших делах, которые были совершены в начальный период пребывания Никиты Сергеевича у власти: разоблачение культа личности Сталина и реабилитация сотен тысяч жертв репрессий сталинской эпохи; повышение жизненного уровня населения; попытки, хотя и не очень успешные, улучшить состояние дел в сельском хозяйстве; создание первой настоящей пенсионной системы; отмена закона, запрещавшего рабочим по своей воле менять место работы; право крестьян иметь паспорта и немало других полезных начинаний. К 1964 году, однако, Хрущев успел испортить свои отношения с целыми пластами населения. Крестьяне были возмущены наступлением на их приусадебные участки, которые позволяли им пополнять те скудные заработки, которые они получали в колхозах и совхозах. Городские жители жаловались на перебои в снабжении магазинов и на повышение цен, хотя оно и было весьма незначительным, не идущим ни в какое сравнение с тем, что произошло в 90-х годах.

С интеллигенцией, особенно с творческой, Хрущев испортил отношения в результате своих некомпетентных нападков на многих ее представителей. Я присутствовал на его встрече с молодыми художниками в Манеже и могу засвидетельствовать, что это было весьма неприятное зрелище. Говорят, что тот показ работ молодых советских авангардистов был специально подстроен, чтобы вызвать гнев Хрущева. Скорее всего, так и было. Но это не снимает с него вины за вмешательство в творческую сферу, где он мало что понимал, и особенно за безобразные по форме нападки, оскорбляющие человеческое достоинство молодых художников. Помнится, что почти все они пребывали в состоянии полной растерянности и только Эрнст Неизвестный пытался как-то парировать его наскоки.

Недовольство Хрущевым стали проявлять и представители самой номенклатуры. Особенно им пришлось не по душе его стремление ограничить пребывание ответственных партийных

работников на своих постах определенным сроком. Хрущев нутром своим чувствовал необходимость преодоления усиливавшегося застоя, но, вероятно, его политический потенциал был на исходе. Будучи реалистом, он это понимал. Как-то он сказал мне: «Все-таки я во многом остаюсь человеком прошлого». Говорил он не раз и о том, что ему пора уходить, что он не справляется с множеством навалившихся на него проблем. Я верю Микояну, который рассказал, что, когда они летели, прервав отпуск, из Пицунды в Москву по звонку Брежнева, он сказал Хрущеву: «Дело не в каких-то срочных хозяйственных вопросах — они хотят тебя снимать». На это последовал ответ: «Ну что же, я не буду сопротивляться».

Честно говоря, я никак не предполагал, что вскоре лишусь своего шефа. Мы так привыкли, что наши руководители, я имею в виду самых высоких, могли уйти с политической сцены только в мир иной, но уж никак не подвергнуться — еще одно модное ныне словечко — импичменту. А Хрущев пребывал в приличном состоянии здоровья. И потому я не принимал всерьез различных намеков на этот счет. А они были. Уже задним числом я вспомнил о нескольких звонках Юрия Андропова, который, зная о моих хороших отношениях с Хрущевым, советовал мне подсказать Никите Сергеевичу, что он должен дать возможность «выговориться» другим. Намек на авторитарное поведение Генерального секретаря был очевиден, и оно действительно к этому времени стало проявляться довольно сильно.

...Прилетев из Пицунды, Хрущев с Микояном сразу отправились на заседание Президиума ЦК. Но даже когда во время перерыва стало очевидным, что речь идет об отставке Хрущева, первой моей мыслью было то, что такой вариант вряд ли возможен: уж если в 1957 году Хрущев смог одолеть таких китов, как Молотов, Маленков и Каганович, то что ему стоит взять верх над новоявленными противниками, у которых, как казалось, и труба была ниже, и дым — пожиже. Но вскоре из зала заседания стали проникать слухи, говорящие о том, что игра фактически шла в одни ворота, только Микоян в какой-то мере защищал Хрущева, другие же единодушно нападали на него.

Когда заседание кончилось, Никита Сергеевич сразу вернулся в свой кабинет и через несколько минут вызвал меня. Когда я зашел в кабинет, то увидел его сидящим за длинным столом, за которым он обычно работал и принимал людей. Меня поразило его усталый, подавленный вид. Первыми его словами были: «Моя политическая карьера закончилась, теперь главное — с достоинством пройти через все это». Я спросил: «Никита Сергеевич, а вы

не думаете, что на Пленуме ЦК обстановка может измениться в вашу пользу, как это произошло в 1957 году». Он быстро ответил: «Нет, нет, это исключено. К тому же вы ведь знаете, что я не цеплялся за это кресло». И потом как-то неожиданно для меня сказал: «Когда-то Каганович советовал мне каждую неделю встречаться с двумя-тремя секретарями обкомов и крайкомов. Я этого не делал и, видимо, в этом одна из моих ошибок». Потом я его спросил: «А как вы расстались, по-доброму ли?» И про себя невольно подумал о собственном будущем, о том, как отнесутся ко мне новые руководители. Никита Сергеевич немного задумался и потом ответил: «Да, пожалуй, по-доброму, во всяком случае, я считаю это моим достижением, что все прошло более или менее цивилизованно». Потом, по-видимому почувствовав подоплеку моего вопроса, он добавил: «Что касается вас, то мне трудно сказать, как сложатся ваши дела. Скорее всего, вы вернетесь обратно в МИД». Затем мы обнялись и на этом расстались.

В последний раз я видел Никиту Сергеевича в Кремле перед Пленумом ЦК. Он ходил быстрыми шагами по маленькому скверу перед зданием Совета Министров. Без шапки, хотя погода была по-октябрьски прохладная.

Сейчас смещение Хрущева нередко воспринимают как результат заговора или даже переворота. Я не могу согласиться с этим. По сути дела, не было совершено ничего противозаконного. Я бы пошел еще дальше и сравнил смещение Хрущева со смещением Маргарет Тэтчер в Великобритании. Там, точь-в-точь как у нас, наиболее влиятельные деятели консервативной партии собрались и пришли к выводу, что сохранение Тэтчер на посту премьер-министра более не отвечает интересам консервативной партии и страны в целом. Тэтчер предъявили своего рода ультиматум, после чего она вынуждена была уйти в отставку. Между тем в Великобритании никто всерьез не называет историю со смещением Маргарет Тэтчер заговором или переворотом. <...>

